

ВИДОИЗМЕНЕННЫЙ УГЛЕРОД

СЛОМЛЕННЫЕ АНГЕЛЫ

18+

РИЧАРД МОРГАН

Ричард Морган
Видоизмененный углерод:
Сломленные ангелы
Серия «Звезды научной фантастики»
Серия «Такеси Ковач», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34395976
Ричард Морган. Сломленные ангелы: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-122110-2, 978-5-17-099085-6

Аннотация

После событий «Видоизмененного углерода» Такеси Ковач, бывший чрезвычайный посланник и бывший частный детектив, оказывается далеко от Земли, на планете Санкция IV, где участвует в операции по подавлению революционного мятежа, которая вскоре переходит в полномасштабную бойню. Но именно в этом изуродованном войной мире таится сокровище, способное перевернуть человеческую историю: портал к действующему кораблю инопланетной цивилизации. Почти все археологи, обнаружившие его, погибли, кто-то явно хочет скрыть находку от людей и ради этого пойдет на любые жертвы. Вместе с отрядом наемников Ковач отправляется на поиски артефакта, еще не зная, что за секреты исчезнувшей расы пришельцев

придется заплатить самую высокую цену, а при столкновении с технологиями, чьи возможности невероятны, а тайны чудовищны, не помогут навыки даже самых опытных солдат.

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	8
ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	149
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Ричард Морган

Сломленные ангелы

Richard Morgan

BROKEN ANGELS

Печатается с разрешения издательства Orion при содействии литературного агентства Синописис

Copyright © 2003 by Richard K. Morgan

First published by Gollancz London

© Ирина Тан, перевод, 2018

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Смесь изощренного сюжета, гипернасилия, политики, философии и психологии, «Сломленные ангелы» – это стремительный НФ-роман, который стоит вашего самого пристального внимания.

SF Bookshelf

«Сломленные ангелы» – это прекрасный НФ-роман со сложным, проработанным сюжетом и убедительно прописанными персонажами.

The Wertzone

Продолжение «Видоизмененного углерода» искрится энергией и интеллектом... превосходный киберпанк-роман с атмосферой нуара.

Publishers Weekly

В «Сломленных ангелах» Морган говорит не только о людях. Он погружается в практически лавкрафтовский ужас, когда речь заходит об инопланетянах и о том, что находится по ту сторону портала.

Agony Column

Если вы ищете захватывающую и жесткую научную фантастику XXI века, то Морган — это тот, кто вам нужен.

SFFReviews

Морган значительно расширил масштаб мира Ковача, детально показав весь хаос, в который погрузилась человеческая цивилизация после открытия межзвездных путешествий.

Kirkus Review

* * *

*Вирджинии Комтинелли —
моей compañera,*

afileres, camas, sacapuntas

БЛАГОДАРНОСТИ

И снова я благодарю свою семью и друзей за то, что терпели меня все то время, пока я писал «Сломленных ангелов». Это явно было непросто. Снова благодарю своего агента Кэролин Уитакер за терпение, а Саймона Спэнтон и его команду, в особенности самоотверженную Николу Синклэр, за то, что их стараниями «Видоизмененный углерод» взлетел, точно беркут на сульфатах.

Этот роман написан в жанре научной фантастики, но многие книги из тех, что на него повлияли, фантастикой не были. В частности, я бы хотел выразить свое глубочайшее почтение двум авторам нон-фикшн из того множества книг, что послужили для меня источником вдохновения: мои благодарности Робин Морган за «Любовника-демона», где содержится самая, возможно, четкая, полная и конструктивная критика политического насилия, которую мне приходилось читать, и Джону Пилджеру за «Героев», «Далекие голоса» и «Тайные умыслы», которые в совокупности представляют собой последовательное и бескомпромиссно честное осуждение бесчеловечности, творимой во всех уголках земного шара людьми, которые называют себя нашими вождями. В отличие от меня авторы этих книг ничего не придумали. Они все видели и пережили сами, и нам стоит прислушаться к их словам.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Для читателей, не знакомых со вселенной Такеси Ковача, впервые описанной в моем дебютном романе «Видоизмененный углерод», кратко замечу, что технология оцифровки личности, возможность ее передачи, загрузки и скачивания довольно значительно – по нашим стандартам – увеличивает продолжительность жизни обитающих в этой вселенной людей. Действие «Сломленных ангелов» происходит через тридцать лет после событий «Видоизмененного углерода», но для Ковача это не слишком много. Ему было чем заняться все эти годы – лучше не уточнять, чем именно, – но при регулярном переоблачении (смене физического тела) годы на человеке сказываются не сильно. По крайней мере что касается внешности. Что до изменений внутренних – что ж, продолжительная жизнь не означает «простая», и Ковач знает об этом не понаслышке.

Приятного чтения...

РКМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСТРАДАВШИЕ СТОРОНЫ

Война ничем не отличается от прочих зашедших в тупик отношений. Разумеется, вы хотите их закончить, но какой ценой? И, возможно, еще более важный вопрос: выиграете ли вы от того, что они закончатся?

Куэллкрисст Фальконер.

Военные дневники

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В первый раз я встретился с Яном Шнайдером в густом мареве боли, в орбитальном госпитале Протектората, в трехстах километрах над рваной линией облаков, окутывавших Санкцию IV. Формально говоря, вся система Санкции должна быть полностью свободна от присутствия Протектората – засевшие в бункерах остатки планетарного правительства громко настаивали, что все происходящее является вопросом внутренней юрисдикции, и региональные корпорации молчаливо согласились принять такие условия игры.

Поэтому судам Протектората, которые болтались в системе с тех пор, как Джошуа Кемп поднял знамя революции в

Индиго-сити, сменили идентификационные коды, после чего корабли, по сути, были проданы по долгосрочному лизингу многочисленным участвующим в сделке корпорациям, а те ссудили их осажденному правительству по программе фонда регионального развития, не облагаемой налогом. При этом подразумевалось, что суда, которым удастся избежать встречи с бомбами-«мародёрами» Кемпа, неожиданно эффективными для секонд-хенда, Протекторат выкупит обратно до истечения срока лизинга, а общая стоимость потерь пойдет опять же в зачет налогов. Со всех сторон все чисто. А тем временем шаттлы уносили с арены боевых действий офицеров, получивших ранения во время сражений с Кемпом, что в свое время послужило для меня основным соображением при выборе сторон. Война обещала быть кровавой.

Шаттл оставил нас прямо в ангаре госпиталя, с несколько бесцеремонной поспешностью выгрузив десятки медицинских капсульных каталок с помощью устройства, смахивающего на огромную пулеметную ленту. Еще не успел окончательно затихнуть надсадный вой двигателей, а мы уже громыхали и дребезжали, съезжая с крыла на ангарную палубу. Затем моя капсула открылась, и легкие обожгло холодом открытого космоса, который еще недавно заполнял помещение. На всем, включая мое лицо, мгновенно образовалась ледяная корка.

– Вы, – раздался напряженно-резкий женский голос. – Боль чувствуете?

Я сморгнул наледь с глаз, перевел взгляд на свою запекшуюся от крови униформу и прохрипел:

– Угадайте.

– Санитар! Эндорфин и противовирусную общего назначения.

Женщина снова склонилась надо мной. Пальцы в перчатках дотронулись до моей головы, и в ту же секунду безыгольник холодно ткнулся в шею. Облегчение наступило моментально.

– Вы с Ивенфолльского фронта?

– Нет, – выдавил я. – Участвовал в наступлении на Северный предел. А что? Что там, в Ивенфолле?

– Какой-то конченный мудила только что дал отмашку на тактический ядерный удар.

В голосе доктора зазвучали ледяные ноты гнева. Ее руки ощупывали мое тело, оценивая тяжесть ранений:

– Ну, значит, радиационных поражений нет. Как насчет химических?

Я слегка склонил голову к лацкану кителя:

– Посмотрите... на датчике...

– Датчика нет, – отрезала она. – Вместе с немаленьким куском плеча.

– Ах вот оно что, – я с трудом собрался с мыслями. – Думаю, я чист. А что, вы не можете провести клеточное сканирование?

– Нет, здесь не могу. Клеточные сканеры есть в палатах.

Так что, возможно, мы вас просканируем, когда удастся расчистить там место, – она убрала руки. – Где ваш штрихкод?
– На левом виске.

С виска вытерли кровь, по коже невесомо скользнул лазерный сканер. Прибор одобрительно пискнул, после чего меня оставили в одиночестве. Обработка закончена.

Какое-то время я просто лежал, с облегчением предоставив стимулятору эндорфина избавить меня от боли и сознания – что он и проделал с учтивой расторопностью дворецкого, принимающего шляпу и пальто. Какая-то часть меня задавалась вопросом, удастся ли сохранить тело, которое на мне сейчас надето, или понадобится переоблачение. Я знал, что у «Клина Карреры» есть небольшой запас клонов для так называемых незаменимых сотрудников, и я как один из пяти бывших чрезвычайных посланников среди наемников Карреры, разумеется, входил в эту элитную группу. К сожалению, незаменимость – палка о двух концах. С одной стороны, лучшее медицинское обслуживание, включая полную смену тела. С другой, единственная цель этого обслуживания – при первой же возможности забросить меня обратно в мясорубку. У рядового пехотинца, чья оболочка получила безнадежные повреждения, просто извлекут стек памяти из маленькой полости на верхушке позвоночного столба, после чего бросят стек в контейнер, где он, скорее всего, и пролежит до самого конца войны. Не идеальный вариант, к тому же – при всей репутации «Клина» как организации, которая заботит-

ся о своих, – без фактической гарантии переоблачения, но после безумного хаоса последних месяцев такой переход в небытие хранилища казался почти привлекательным.

– Полковник! Эй, полковник!

То ли это спецподготовка не давала полностью погрузиться в забытие, то ли меня выдернул из него голос, раздавшийся откуда-то сбоку. Я медленно повернул голову, чтобы увидеть говорившего.

Судя по всему, мы все еще находились в ангаре. На соседней каталке лежал атлетичный молодой парень, с копной жестких черных волос и живым, умным лицом, которое не потеряло осмысленного выражения даже после инъекции эндорфина. На нем тоже была форма «Клина», как у меня, только сидела неважно, да и дыры в ней, похоже, не соответствовали дырам в нем. На его левом виске, на месте штрих-кода, по удобному совпадению был ожог от бластера.

– Вы ко мне обращаетесь?

– Так точно, сэр.

Он приподнялся на локте. Ему, по всей видимости, вкололи куда меньшую дозу, чем мне.

– Ну что, заставили мы таки Кемпа улепетывать, да?

– Интересная трактовка событий, – перед моим мысленным взором пронесли обрывки воспоминаний о том, как 391-й взвод превращался в кровавую кашу. – И куда же, вы считаете, он будет улепетывать? То есть принимая во внимание, что это его планета.

– Ну, я думал...

– Не советую этим заниматься, солдат. Вы что, не читали свой контракт? Закройте рот и поберегите силы. Они вам понадобятся.

– Э-э, слушаюсь, сэр.

Он выглядел слегка ошарашенным и, судя по тому, сколько народа посмотрело в мою сторону, был не единственным, кого удивили подобные речи из уст офицера «Клина Карреры». Как и прочие войны, война на Санкции IV вызывала у людей самые сложные чувства.

– И еще одно.

– Да, полковник?

– На мне лейтенантская форма. В воинском формировании «Клин» нет звания полковника. Постарайтесь запомнить.

Тут волна чудовищной боли, прикатившаяся из какой-то изувеченной части моего тела, скользнула под заграждающие руки эндорфинных охранников, дежурящих у двери в мозг, и принялась пронзительно истерить, стремясь донести свою оценку ущерба до всех имеющих уши. Моя улыбка, приклеенная к лицу, исчезла – как, наверное, исчез Ивен-фолл, – и я мгновенно потерял интерес к чему бы то ни было, кроме крика.

Когда я снова очнулся, где-то прямо подо мной плескалась вода, а лицо и руки грел мягкий солнечный свет. Кто-то снял с меня изрешиченную шрапнелью армейскую штормовку, оставив в форменной майке. Я пошевелил рукой, и пальцы ощутили отполированную годами поверхность деревянных досок, тоже нагретую солнцем. На обратной стороне сомкнутых век плясали цветные пятна.

Боли не было.

Я сел, чувствуя себя лучше, чем когда-либо за последние месяцы. Я находился на небольшом грубо сколоченном пирсе, выдававшемся метров на десять в морской залив. С обеих сторон залив окаймляли низкие горы с округлыми вершинами, по небу беззаботно неслись пушистые белые облака. Недалеко от берега из воды высунуло головы семейство тюленей и принялось сосредоточенно меня разглядывать.

Мое тело, целое и невредимое, было все той же афро-карибской оболочкой армейского образца, в которой я участвовал в атаке на Северный предел.

Ну что ж.

Позади меня от чьих-то шагов заскрипели доски деревянного настила. Я дернулся на звук, рефлексивно вздернув руки для защиты. С изрядным отставанием от инстинктивной реакции в голову пришла мысль, что в реальности моя обо-

лочка обнаружила бы присутствие постороннего задолго до того, как тот успел бы подойти так близко.

– Такеси Ковач, – произнесла стоящая надо мной женщина в форме, правильно выговорив мягкое славянское «ч» на конце имени. – Добро пожаловать в оздоровительный стек.

– Мило, – я поднялся, игнорируя предложенную для помощи руку. – Я по-прежнему на борту госпиталя?

Женщина покачала головой и откинула назад длинные медно-рыжие волосы, обрамлявшие резко очерченное лицо:

– Ваша оболочка все еще находится в отделении интенсивной терапии, но ваше текущее состояние сознания загружено в цифровое хранилище «Клин-1» и будет храниться там до тех пор, пока вы не будете готовы к физическому воскрешению.

Я огляделся и снова поднял лицо к солнцу. На Северном пределе постоянно идут дожди.

– А где находится хранилище «Клин-1»? Или это секретная информация?

– Боюсь, что да.

– И как я только догадался?

– Из опыта сотрудничества с Протекторатом вам, несомненно, известно...

– Не продолжайте. Это был риторический вопрос.

Я и без ее ответа имел мало-мальское представление о том, где находится этот виртуальный формат. Обычно во время планетарной войны станции с малым альбедо втихую

размещали на замысловатых эллиптических орбитах где-нибудь подальше и надеялись, что корабли местного флота на них не наткнутся. Шансы обнаружения довольно низкие. Космос, как принято писать в учебниках, очень велик.

– Какое соотношение вы тут поддерживаете?

– Формат функционирует в реальном времени, – ответила она тут же. – Но я могу поменять установки, если хотите.

Мысль о том, чтобы растянуть процесс моего, конечно же, недолгого выздоровления раз где-нибудь в триста, представлялась соблазнительной, но, если мне в ближайшем будущем суждено было снова тащиться на поле боя, не следовало терять формы. Кроме того, я не был уверен, что командование «Клина» позволит мне злоупотреблять подобными манипуляциями. Пара месяцев отшельнической праздности на лоне такой чудесной природы неминуемо плохо скажется на готовности участвовать в массовой бойне.

– Разместиться можно вот там, – сказала женщина. – При желании можно заказать модификации.

Я взглянул туда, куда указывала ее рука, и у кромки воды на длинной полосе покрытого галькой пляжа увидел двухэтажное здание из стекла и дерева с загибающимися кверху краями крыши.

– Выглядит неплохо, – во мне вдруг зажглись слабые искры сексуальной заинтересованности. – Как я понимаю, вы воплощаете мой идеал межличностного взаимодействия?

Женщина снова покачала головой:

– Я внутренний сервисный конструкт этого формата, осуществляющий контроль над системами «Клина-1». Моим физическим прототипом является подполковник Люсия Матаран из Верховного командования Протектората.

– С такими-то роскошными волосами? Вы шутите.

– Я располагаю определенной свободой действий. Желаете ли, чтобы я создала для вас идеал межличностного взаимодействия?

Как и предложение об изменении временного соотношения, мысль была соблазнительной. Но после шести недель, проведенных в компании буйных клиновских головорезов, больше всего на свете мне хотелось побыть в одиночестве.

– Я подумаю об этом. Что-нибудь еще?

– Для вас есть запись брифинга Айзека Карреры. Загрузить ее в системы дома?

– Нет. Проиграйте здесь. Если мне что-то еще понадобится, я вас позову.

– Как пожелаете.

Конструкт склонила голову и исчезла. На ее месте возникла фигура мужчины в черной форме «Клина». Короткая стрижка, черные волосы, припорошенные сединой, изрезанное морщинами лицо стареющего патриция; темные глаза, взгляд одновременно жесткий и понимающий; под кителем – тело офицера, никогда не прикрывавшегося рангом, чтобы отсидеться в стороне от передовой. Айзек Каррера, орденосный экс-капитан вакуум-коммандос, а впоследствии ос-

нователь одного из самых смертоносных подразделений наемников в Протекторате. Образцовый солдат, командир и тактик. Время от времени, в отсутствие иного выбора, умелый политик.

— Приветствую вас, лейтенант Ковач. Прошу прощения, что это только запись, но, в связи с Ивенфоллом, ситуация сложная, и у нас не было времени установить связь. Медицинский рапорт говорит, что вашу оболочку восстановят дней через десять, так что клонирование в вашем случае не понадобится. Я хочу, чтобы вы вернулись на Северный предел как можно скорее, но, говоря откровенно, сейчас боевая обстановка вынудила нас приостановить наступление, и пару недель без вас здесь переживут. К этой записи приложены последние данные, включая информацию о потерях, понесенных в ходе последней атаки. Я хочу, чтобы вы просмотрели их, пока находитесь в виртуале, задействовали вашу знаменитую интуицию посланника. Видит бог, нам пригодятся свежие идеи. В глобальном контексте захват территорий Предела представляет одну из девяти основных задач, решение которых необходимо для разрешения этого конфлик...

Я уже шел прочь, миновал пирс, а затем двинулся по уходящему вверх берегу к ближайшим холмам. Небо над головой превратилось в одно сплошное мягкое облако, но еще недостаточно потемнело, чтобы разразиться грозой в ближайшем будущем. Если вскарабкаться повыше, наверняка откроется прекрасный вид на весь залив.

Позади меня ветер развеивал по пирсу голос Карреры. Проекция обращалась к пустому пространству и, вероятно, тюлениям – в твердой уверенности, что у них не найдется занятий поинтереснее, чем слушать ее разглагольствования.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Продержали меня в итоге около недели.

Ничего особенного я не пропустил. Где-то подо мной, над северным полушарием Санкции IV, неслись клубы облаков, изливая дождь на убивающих друг друга мужчин и женщин. Конструкт регулярно наносила мне визиты, сообщая наиболее интересные новости. Союзники Кемпа безуспешно попытались прорвать блокаду Протектората извне, лишившись при этом пары межпланетных кораблей. Несколько умных – умнее среднего – бомб-«мародеров», вылетевших из некоего неуказанного пункта, испепелили дредноут Протектората. Правительственные войска удерживали позиции в тропиках, в то время как «Клин» и другие наемнические формирования отступали на северо-востоке под натиском элитной Президентской гвардии Кемпа. Руины Ивенфолла все еще тлели.

Как я и сказал, ничего особенного я не пропустил.

Когда я пришел в сознание в камере переоблачения, то просто купался в блаженстве. Природа блаженства, по большей части, была химической: в военных госпиталях принято непосредственно перед загрузкой всаживать в оболочку

пациента изрядный заряд кайфа. Это их способ поздравить вас с возвращением, а заодно заставить почувствовать, что тебе ничего не стоит выиграть сраную войну *в одиночку*, дайте только дорваться до всех этих гадов. Полезный, конечно же, эффект. Но рядом с коктейлем из патриотических чувств плескалось и простое наслаждение от того, что находишься в целом и невредимом теле с полным комплектом исправно функционирующих конечностей и органов.

После разговора с доктором, однако, блаженство мое поумерилось.

– Мы выпускаем вас раньше положенного, – в ее голосе снова, как при нашем первом разговоре на ангарной палубе, звенела ярость, но уже менее отчетливо. – По приказу командования «Клина». Похоже, на полное восстановление для вас нет времени.

– Чувствую я себя отлично.

– Ну разумеется. Вы накачаны эндорфинами по самую макушку. Когда их действие ослабеет, вы обнаружите, что функции левого плеча восстановились лишь на две трети. Да и повреждения в легких тоже никуда не делись. Ожоги от «Герлена-20».

Я удивленно поднял брови:

– Не знал, что его распыляли.

– Да уж. По всей видимости, никто не знал. Как мне объяснили, это была триумфально успешная секретная операция. – Она сдалась, даже гримасу не смогла толком скорчить

– слишком устала. – Мы основную часть вычистили, подвергли биорегенерации самые очевидные участки, уничтожили вторичные инфекции. После нескольких месяцев отдыха вас, скорее всего, ожидало бы полное выздоровление. При нынешнем раскладе... – она пожала плечами. – Постарайтесь не курить. Обеспечьте себе легкую физическую активность. Ох, да к такой-то матери...

Я попытался обеспечить себе легкую физическую активность. Прогуливался по палубе госпиталя. Вдыхал воздух в обожженные легкие. Разминал плечо. Тут яблоку негде было упасть: вокруг раненые мужчины и женщины занимались тем же самым, что и я. Некоторых я даже знал.

– Эй, лейтенант!

Большая часть лица Тони Ломанако превратилась в маску из обнаженного мяса, испещренную зелеными ярлычками биостимуляторов ускоренной регенерации. Впрочем, обычная ухмылка Тони была по-прежнему при нем, вот только обнажала слишком много зубов с левой стороны.

– Вы целы, лейтенант! Вот молодчага!

Он обернулся и поискал кого-то в толпе:

– Эй, Эдди! Квок! Лейтенант живой.

Обе глазницы Квок Юэнь Йи были залиты оранжевым гелем для инкубации ткани. Закрепленная на черепе внешняя камера передавала в мозг изображение. На каркасе из черного углеволокна росли новые руки. Свежая ткань влажно блестела.

– Лейтенант. А мы думали...

– Лейтенант Ковач!

Эдди Мунхарто передвигался с помощью экзоскелета, а биониты восстанавливали ему правую руку и обе ноги из рваных кусков, оставленных «умной» шрапнелью.

– Рад вас видеть, лейтенант! Видите, мы все тут идем на поправку. Можете не сомневаться, через пару месяцев триста девяносто первый взвод вернется и надерет задницу кемпистам.

Армейские оболочки для «Клина Карреры» в настоящее время поставляют «Хумало биосистемс». Новейшие военные биотехнологии от «Хумало» включают в себя несколько очаровательных модификаций, вроде системы блокировки серотонина, повышающей уровень бездумной агрессии, а также толики волчьих генов, которые увеличивают скорость и жестокость, а также усиливают стайный инстинкт, от него больно, как от подступающих слез. Глядя на изувеченные остатки взвода, столпившиеся вокруг меня, я почувствовал, как у меня начинает саднить горло.

– Эх, а хорошо мы их расчехвостили, да? – произнес Мунхарто, взмахнув своей единственной оставшейся конечностью, точно ластой. – Видел вчера в военсводке.

Микрокамера Квок повернулась, послышался тихий звук работающего гидропривода.

– Примете командование новым триста девяносто первым, сэр?

– Я не...

– Эй, Наки! Где ты там, чувак? Тут лейтенант.
Больше я на полетной палубе не появлялся.

* * *

Шнайдер отыскал меня на следующий день. Я сидел в офицерской палате для выздоравливающих, глядя в иллюминатор и дымя сигаретой. Глупо, но, как выразилась доктор, *да к такой-то матери*. Не так уж много смысла в том, чтобы беречь себя, когда с этого самого тебя в любой момент может содрать мясо с костей летящая навстречу сталь или уничтожить химическое оружие.

– О, лейтенант Ковач.

Я его не сразу узнал. От боли лица людей сильно меняются, а, кроме того, мы оба были тогда залиты кровью. Я уставился на него, не вынимая изо рта сигареты, мрачно гадая, кто еще из тех, кого подстрелили по моей милости, хочет поздравить меня с успехом на поле боя. Затем что-то в его облике показалось мне знакомым, и я вспомнил нашу встречу в погрузочной зоне. Слегка удивленный тем, что он все еще на борту, а еще больше тем, что блеф помог ему пробраться даже сюда, я жестом пригласил его садиться.

– Спасибо. Меня зовут, э-э, Ян Шнайдер, – он протянул руку для приветствия, на что получил кивок в ответ, затем угостился одной из моих сигарет, лежавших на столе. – Я

очень ценю, что вы не, э-э, не...

– Забудьте об этом. Я вот забыл.

– Ранения... Э-э, ранения странно влияют на мозг... на память. Потому я и спутал звания и, э-э, все такое...

Я нетерпеливо заерзал:

– Слушайте, Шнайдер, мне в общем-то до этого нет дела, – потом набрал полные легкие не рекомендованного мне сигаретного дыма и закашлялся. – Единственное, до чего мне дело есть, так это протянуть на этой войне достаточно долго, чтобы спасти шкуру. Так что, если не сменишь пластинку, отправлю тебя под расстрел, а так можешь делать что тебе, на хрен, угодно. Ясно?

Он кивнул, но его поведение неуловимо изменилось. Нервозность свелась к простому покусыванию ногтя, а во взгляде, которым он меня буравил, появилось нечто хищное. Когда я закончил говорить, он отнял от губ большой палец и, ухмыльнувшись, взамен сунул в рот сигарету. Почти что беспечно выпустил дым в сторону иллюминатора и видневшейся из него планеты.

– Именно, – сказал он.

– Что «именно»?

Шнайдер заговорщически огляделся, но остальные обитатели палаты собрались в другом ее конце, поглощенные просмотром латимерского голопорно.

Шнайдер снова ухмыльнулся и наклонился ближе:

– Именно то, что я искал. Человек с головой на плечах. Я

хотел бы кое-что вам предложить, лейтенант Ковач. Кое-что, что поможет вам выйти из этой войны не просто живым, но еще и богатым – богаче, чем вы можете вообразить.

– У меня хорошее воображение, Шнайдер.

Он пожал плечами:

– Ну ладно. Значит, просто с большими деньгами. Интересно это вам?

Я задумался, пытаюсь прикинуть, что стоит за этим предложением:

– Если это подразумевает смену сторон, то не интересно. Не имею ничего против Джошуа Кемпа лично, но считаю, что он проиграет, и...

– Политика, – Шнайдер пренебрежительно махнул рукой. – Политика к этому никакого отношения не имеет. И война тоже, разве что в качестве сопутствующего обстоятельства. Я говорю о чем-то более основательном. О товаре. За обладание которым любая корпорация заплатит процентов десять своей годовой прибыли.

Я здорово сомневался, что такой товар может существовать в глухомани, вроде Санкции IV, и еще сильнее сомневался, что кто-то вроде Шнайдера может иметь к нему доступ. Но, с другой стороны, просочился же этот тип на военный корабль Протектората и получил медицинское обслуживание, о котором – по утверждениям проправительственных источников – безнадежно мечтают полмиллиона человек на планете. *Что-то* у него, возможно, и было, а сейчас

что угодно, способное вызволить меня с этого комка грязи до того, как он разлетится на части, заслуживало внимания.

Я кивнул и затушил сигарету:

– Хорошо.

– Вы в деле?

– Я слушаю, – ответил я мягко. – В деле я или нет, зависит от того, что я услышу.

Шнайдер втянул щеки:

– Не уверен, что мы можем продолжать на таких условиях, лейтенант. Мне нужно...

– Тебе нужен я. Это очевидно, иначе этот разговор вообще бы не затевался. Так как, будем продолжать на означенных условиях или мне вызвать охрану «Клина», чтобы информацию из тебя выбили?

Повисла напряженная тишина. По лицу Шнайдера, точно кровь, растекалась усмешка.

– Что ж, – произнес он наконец. – Вижу, что недооценил тебя. В твоём личном деле нет ничего об этом, м-м, аспекте твоей личности.

– Любые данные обо мне, к которым ты мог получить доступ, не дают и половины реальной картины. К твоему сведению, Шнайдер, моей последней официальной военной должностью была служба в Корпусе чрезвычайных посланников.

Я подождал его реакции, пытаюсь понять, удалось ли мне его припугнуть. Посланники имеют почти что мифологический статус в пределах Протектората, и славятся они отнюдь

не мягкостью характера. Эта часть моей биографии не была секретом на Санкции IV, но я старался не афишировать ее без нужды. В лучшем случае из-за такой репутации в столовой воцарялось напряженное молчание при каждом моем появлении, а в худшем свежее облаченные юнцы, в которых нейрехимии и пересаженных мускулов больше, чем здравого смысла, решали бросить мне вызов. После третьего летального исхода (с сохранением стека) Каррера вызвал меня на ковер. Командование, как правило, неодобрительно относится к убийствам внутри личного состава. Такого рода энтузиазм следует приберечь для врага. Было решено, что вся информация о моем прошлом в Корпусе посланников будет погребена в базе данных «Клина», а во всех прочих записях я буду проходить как профессиональный наемник, бывший морпех Протектората. Достаточно распространенная здесь карьера.

Но если мое прошлое посланника и напугало Шнайдера, он этого никак не выказал. Он снова склонился ко мне, и в его пронизательном взгляде читалась напряженная работа мысли.

– Посланник, значит? И когда служил?

– Довольно давно. А что?

– При Инненине довелось быть?

Огонек его сигареты ярко светился перед моими глазами. На какое-то мгновение мне показалось, что я проваливаюсь в этот огонь. Красная точка расплылась, превратившись в

узоры лазерного огня, хлещущего по разрушенным стенам, в чавкающую под ногами грязь, где умирал раненый Джимми де Сото, вырываясь из моих рук и крича от боли, и распадающуюся вокруг нас линию обороны на Инненинском плацдарме.

Я на секунду прикрыл глаза.

– Да, я был при Инненине. Так ты будешь рассказывать об этом своем сказочно выгодном деле, или как?

Желание поделиться секретом буквально распирало Шнайдера. Он вытянул еще одну сигарету из моей пачки и откинулся на стуле.

– Тебе известно, что на взморье Северного предела, чуть подальше Заубервиля, находится одно из старейших марсианских поселений, известных археологам?

Ну все ясно. Я вздохнул, и мой взгляд скользнул с его лица обратно к иллюминатору с видом на Санкцию IV. Конечно, чего-то эдакого и следовало ожидать, но почему-то я разочаровался в Яне Шнайдере. За недолгие минуты нашего знакомства мне показалось, что в нем чувствуется некий твердый стержень, обещавший что-то более стоящее, чем всякая фигня о затерянных цивилизациях и зарытых технокровищах.

Прошло уже добрых полтысячелетия со времени, когда перед нами открылся мавзолей марсианской цивилизации, а люди все никак не поймут, что артефакты, оставшиеся от вымерших соседей по Солнечной системе, по большей части

либо нам совсем не по зубам, либо находятся в нерабочем состоянии. (А очень может быть, и то и другое, откуда же нам знать.) Практически единственной по-настоящему полезной находкой были астронавигационные карты, люди разобрали их с большим трудом, но в результате смогли послать колонизационные корабли в точки, где гарантированно располагались планеты земного типа.

Этот успех плюс разрозненные руины и артефакты, обнаруженные на планетах, которых удалось достичь с помощью карт, породили огромное количество самых разнообразных теорий, идей и верований. За время, что я бороздил просторы Протектората, я ознакомился почти с каждой. В некоторых регионах в уши мне лилась параноидальная белиберда о том, что вся история придумана ООН для прикрытия, а на самом деле астронавигационные карты получены от пришельцев из нашего же собственного будущего. Существовала также стройная религиозная доктрина, приверженцы которой считали людей затерянными потомками марсиан и ожидали воссоединения с духами предков после достижения достаточного кармического просветления. Некоторые ученые с затаенной надеждой разрабатывали относительно перспективные теории, полагавшие Марс всего лишь одним из аванпостов, колоний, отрезанных от материнской культуры, и утверждавшие, что сама эта культура по-прежнему существует где-то на другом краю Вселенной. Согласно еще одной, моей любимой версии, марсиане переехали на Землю

и стали дельфинами, чтобы стряхнуть с себя оковы технологической цивилизации.

Как бы то ни было, суть одна. Их больше нет, а мы всего-навсего подбираем оставшиеся крохи.

Шнайдер ухмыльнулся:

– Думаешь, я спятил, да? Несу что-то в духе детских логограсказок?

– Что-то вроде того.

– Ты сначала послушай, – он делал короткие и быстрые затяжки, не прекращая говорить, так что дым сочился из рта при каждом слове. – Понимаешь, все думают, будто марсиане были похожи на нас. В смысле, не физически, нет, мы считаем, что у их цивилизации были такие же культурные основы, как и у нашей...

Культурные основы? Такие обороты были не в стиле Шнайдера. Это он услышал от кого-то другого. Во мне шевельнулась легчайшая тень любопытства.

– А значит, когда мы исследуем мир, подобный этому, то все в штаны кончают от радости, когда удастся обнаружить центры расселения. Это города, тут же решают все. Мы находимся на расстоянии двух световых лет от основной системы Латимера – а это две пригодные к обитанию биосферы и три условно пригодные; и в каждой есть марсианские руины, – но, однако же, стоит только зондам добраться до этого места и зафиксировать что-то, смахивающее на города, все немедленно бросают свои дела и несутся сюда.

– Ну, «несутся» – это, я бы сказал, преувеличение.

На субсветовых скоростях даже самой навороченной колонизационной барже потребуется почти три года, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее двойные солнца Латимера от этой звезды-недоростка с незамысловатым названием. В межзвездном пространстве ничего не происходит быстро.

– Да? А ты знаешь, сколько времени прошло? С момента получения данных от зонда до инаугурации правительства Санкции?

Я кивнул. Как региональный военный советник знать такие вещи я был обязан. Заинтересованные в ситуации корпорации ускорили подготовку Хартии Протектората до одной недели. Но это случилось около века назад и имело мало отношения к тому, о чем сейчас собирался поведать мне Шнайдер. Жестом я попросил его продолжать.

– Дальше, – он наклонился вперед и вскинул руки, точно собрался дирижировать оркестром, – в дело вступают археологи. Порядок обычный: право собственности принадлежит нашедшему, правительство выступает в роли посредника между ним и корпорацией-покупателем.

– За процент.

– За процент. Плюс право на экспроприацию – цитирую – «с соответствующей компенсацией стоимости любой находки, которая может быть расценена как представляющая особую важность для интересов Протектората», и так далее

и тому подобное. Понятно, что любой приличный археолог, желающий озолотиться, отправится прямиком в эти самые центры расселения, и именно так они все и поступили.

– Откуда тебе-то это все известно, Шнайдер? Ты-то не археолог.

Он вытянул левую руку и оттянул рукав, демонстрируя свернувшуюся кольцом крылатую змею, вытатуированную иллюминиевой краской. Чешуя змеи мерцала и переливалась, а крылья еле заметно двигались вверх и вниз, так что, казалось, можно расслышать их сухой шелест. Между зубами змеи висала надпись: «ГИЛЬДИЯ МП-ПИЛОТОВ САНКЦИИ IV», и все это окаймлял девиз: «ЗЕМЛЯ – ЭТО ДЛЯ ПОКОЙНИКОВ». Выглядела татуировка практически свежей.

Я пожал плечами:

– Красиво. И?

– Я занимался перевозкой грузов для группы археологов, работавших на побережье Дангрека к северо-западу от Заубервиля. По большей части скребуны, но...

– Скребуны?

Шнайдер моргнул:

– Да. И что?

– Я родом с другой планеты, – заметил я терпеливо. – Здесь я просто воюю. Что за «скребуны»?

– А... Ну молодняк. – Он неопределенно покрутил руками. – Только что из Академии, их первые раскопки. Скре-

буны.

– Понял. Скребуны. Ну и кто из них не?

– Что? – он снова сморгнул.

– Кто не был скребуном? Ты сказал, «по большей части скребуны, но...». Но кто?

На лице Шнайдера читалось недовольство. Ему не нравилось, что я его сбиваю.

– Люди с опытом там тоже имелись. Скребунам обычно оставляют участки, где не предполагается значительных находок, но и среди ветеранов всегда есть люди, которые стараются мыслить нестандартно.

– Или заявляются уже после того, как все лучшие делянки расхвачаны.

– Ну да, – по какой-то причине эта острота ему тоже не пришлась по душе. – Иногда и так. Короче говоря, мы – они – кое-что обнаружили.

– Что?

– Марсианский корабль. – Шнайдер затушил сигарету. – Целехонький.

– Брехня.

– Нет, в самом деле.

Я снова вздохнул:

– Предлагаешь мне поверить, что вы откопали целый космический корабль – нет, пардон, целый звездолет, – и о нем никто не узнал? Никто не увидел. Никто не обнаружил, что он там лежит. И как же вы его спрятали, баббл-тент над ним

натянули?

Шнайдер облизнул губы и усмехнулся. Неожиданно он снова начал упиваться собой.

– Я не говорил, что мы его откопали, я сказал, мы *обна-
ружили*. Ковач, он размером со сраный астероид, и находится на окраине системы Санкции на парковочной орбите. А откопали мы портал, который к нему ведет. Швартовочную систему.

– Портал? – произнося это слово, я почувствовал, как по моей спине поползли еле ощутимые мурашки. – Ты имеешь в виду гиперпространственный передатчик? Ты уверен, что вы правильно разобрали техноглифы?

– Ковач, это *портал*, – сказал Шнайдер тоном, каким разговаривают с маленькими детьми. – Мы его открыли. И видели, куда он ведет. Похоже на дешевый спецэффект из эксперии. По картине звездного неба понятно, что корабль находится где-то в этой системе. Все, что нам оставалось сделать, – это войти внутрь.

– Внутрь корабля?

Против собственной воли я был заинтригован. В Корпусе чрезвычайных посланников учат лгать: лгать под детектором лжи, лгать в условиях жесточайшего стресса, лгать при любых обстоятельствах – и делать это со стопроцентной искренностью. Посланники умеют лгать лучше кого угодно в Протекторате, в естественном ли состоянии или в аугментированном, и, глядя сейчас на Шнайдера, я видел, что он го-

ворит правду. Что бы там с ним на самом деле ни произошло, он твердо верил своим словам.

– Нет, – покачал головой он. – Не внутрь корабля. Портал ведет в точку, расположенную километрах в двух от корпуса. Ходит по достаточно близкой орбите с периодом четыре с половиной часа. Нужен скафандр.

– Или шаттл, – я кивнул в сторону его татуировки. – У тебя что был за корабль?

Он сморщился:

– Дерьмовый суборбитальный «Мовай». Размером с долбаный дом. В портал он не пролез.

– Что? – у меня неожиданно вырвался смешок, отозвавшийся болью в груди. – Не пролез?

– Смейся-смейся, – угрюмо буркнул Шнайдер. – Если бы не эта небольшая логистическая загвоздка, я бы в этой сучьей войне не завяз. Щеголял бы в сделанной на заказ оболочке в Латимер-сити. Клоны в холодильнике, цифровое хранение, гребаное, блин, бессмертие... Полный набор.

– И что, ни у кого не нашлось скафандра?

– С какой бы стати? – Шнайдер развел руками. – Полет суборбитальный. Никто не собирался выбираться за пределы орбиты. На самом деле никто и не *мог* выбраться за пределы орбиты, минуя межпланетные порты в Лэндфолле. Все найденное на раскопках должна была освидетельствовать Экспортно-карантинная служба. А эта идея тоже ни у кого восторга не вызвала. Пункт об экспроприации помнишь?

– Угу. Любые находки, которые могут быть расценены как представляющие особенную важность для интересов Протектората. Вариант с «соответствующей компенсацией» тебя не манил? Или ты не считал, что она будет соответствовать?

– Да ну брось ты, Ковач. Какова должна быть компенсация, чтобы соответствовать такой находке?

Я пожал плечами:

– Зависит от множества факторов. В частном секторе в основном от того, к кому надумаешь обратиться. С большой вероятностью можно получить пулю в стек.

Шнайдер натянуто усмехнулся:

– Полагаешь, нам не удалось бы продать его корпорациям?

– Полагаю, сделка вышла бы вам боком. А остались бы вы при этом в живых или нет, зависит от того, с кем иметь дело.

– Ну и к кому бы ты пошел?

Я вытряхнул из пачки новую сигарету, дав вопросу повисеть в воздухе, прежде чем удостоил его ответом:

– Это, Шнайдер, мы с тобой сейчас обсуждать не будем. Мои расценки как консультанта тебе слегка не по карману. А вот как партнер, с другой стороны... – я в свою очередь расщедрился на улыбку. – Я все еще слушаю. Что было дальше?

Горький смех Шнайдера был таким громким, что заставил даже зрителей голопорно в другом конце палаты на секунду оторваться от проектора, где извивались яркие, отполированные спецэффектами человеческие 3D-тела в натураль-

ную величину.

– Дальше? – Шнайдер снова понизил голос и дождался, когда любители плотских наслаждений отвернутся. – Дальше? Да война эта сраная, вот что было дальше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Где-то плакал ребенок.

Какое-то время я висел на руках, держась за комингс двери, давая экваториальному климату проникнуть на борт. Из госпиталя меня выписали с формулировкой «годен к службе», но состояние моих легких было не так безупречно, как хотелось бы, и во влажном воздухе я начинал задыхаться.

– Жарковато тут.

Шнайдер заглушил двигатель шаттла и навис над моим плечом. Я спрыгнул вниз, освобождая ему проход, и прикрыл глаза от солнца. С высоты лагерь для интернированных выглядел так же невинно, как выглядит большая часть типовых застроек, но вблизи это впечатление аккуратного единообразия таяло под напором реальности. Установленные наспех бабблы потрескивали от жары; в проходах между ними текли ручьи жидких отходов. Слабый ветерок обдавал смрадным запахом горящих полимеров: при посадке шаттл взметнул мусор, распластав его по ограждению, и теперь электричество поджаривало бумагу и пластик, превращая их в труху. За забором, как железные сорняки, на вы-

сушенной земле росли автоматические турели. Сонный гул конденсаторов служил неумолкающим фоном к людскому шуму на территории лагеря.

Приплелся небольшой отряд местного ополчения, возглавляемый сержантом, смутно напомнимшим мне отца в его лучшие дни. При виде униформы «Клина» отряд застыл на месте. Сержант неохотно отдал честь.

– Лейтенант Такеси Ковач, «Клин Карьеры», – коротко бросил я. – Это капрал Шнайдер. Мы здесь для того, чтобы забрать для допроса одну из ваших интернированных, Таню Вардани.

Сержант нахмурился:

– Мне об этом не сообщали.

– Так я вам сейчас и сообщаю, сержант.

В таких ситуациях обычно хватает униформы. На Санкции IV широко известно, что серьезные ребята из «Клина» неофициально представляют интересы Протектората, и обычно получить желаемое не представляло проблемы. Даже другие наемники шли на попятный, когда доходило до стычек из-за порядка реквизиции. Но этому сержанту, похоже, попала под хвост какая-то вожа. То ли смутная память о святости устава, внушенная на плацу в пору, когда это и в самом деле что-то значило, задолго до войны. То ли, может, просто зрелище соотечественников, страдающих от голода в своих баббл-тентах.

– Мне нужно видеть приказ.

Я щелкнул пальцами, и Шнайдер вложил мне в руку документы. Раздобыть их не составило особенного труда. В военных конфликтах планетарного масштаба вроде нынешнего Каррера предоставлял своим младшим офицерам такую свободу действий, которая и не снилась дивизионным командирам Протектората. Никто даже не спросил, для чего мне понадобилась Вардани. Всем это было безразлично. Пока самым сложным делом оказалось заполучить шаттл; межпланетных кораблей не хватало, они были нужны всем. В итоге мне пришлось вытрясать его под дулом пистолета из полковника регулярной армии, заведовавшего полевым госпиталем к юго-востоку от Сучинды, о котором нам кто-то рассказал. Неприятностей из-за этого в конечном счете не избежать, но, как любил говорить сам Каррера, это же война, а не конкурс зрительских симпатий.

– Этого достаточно, сержант?

Тот принялся изучать бумаги с такой тщательностью, словно надеялся, что при близком рассмотрении печати на них окажутся наклейками-фальшивками. Я переступил с ноги на ногу в нетерпении, которое было лишь наполовину притворным. Атмосфера лагеря действовала угнетающе; где-то продолжал надрываться невидимый мне ребенок. Хотелось убраться отсюда как можно быстрее.

Сержант поднял голову, возвращая документы.

– Вам придется обратиться к коменданту, – произнес он деревянным голосом. – Лагерь находится под правитель-

ственным контролем.

Я бросил взгляд через его левое, затем правое плечо, после чего снова посмотрел ему в лицо.

— Ясно, — мои губы скривились в усмешке, и через какое-то мгновение сержант отвел глаза. — Что ж, пошли к коменданту. Капрал Шнайдер, подождите здесь. Это не займет много времени.

Офис коменданта располагался в двухэтажном баббле, отгороженном от остального лагеря еще одной линией высокоговольного ограждения. Автотурели размером поменьше угнездились на верхушках конденсаторов, подобно горгульям начала тысячелетия; у ворот застыли затянутые в униформы рекруты, еще не вышедшие из подросткового возраста. В руках они сжимали здоровенные плазменные винтовки. Юные физиономии под увешанными датчиками армейскими шлемами были воспаленными и исцарапанными. Для чего вообще понадобилось ставить часовых, для меня оставалось загадкой. Либо автотурели представляли собой муляж, либо в лагере наблюдался серьезный переизбыток персонала. Мы молча прошли за ограждение и поднялись по лестнице из легкого сплава, кое-как приклеенной к стенке баббля эпоксидкой. Сержант нажал на кнопку звонка. На секунду ожила установленная над дверью камера наблюдения, после чего дверь раскрылась. Я шагнул внутрь, с облегчением набрав в грудь охлажденного кондиционированного воздуха.

Основное освещение в офисе исходило от мониторов си-

стемы видеонаблюдения на дальней стене. Рядом стоял стол из гнutoго пластика, добрую половину которого занимал дешёвый голопроектор и клавиатура. Остальная поверхность была усеяна бумагами, норовящими свернуться в трубку, маркерами и прочим канцелярским хламом. Тут и там посреди завалов, словно градирни в индустриальных зонах, высились забытые кофейные кружки. Тонкая змейка кабеля протянулась к руке скособоченной фигуры, сидевшей за столом.

– Комендант?

На паре мониторов сменилась картинка, и в отраженном свете блеснула сталью рука сидящего.

– В чем дело, сержант?

Говорил он невнятно, в голосе слышались скука и безучастность. Я шагнул в прохладный полумрак, и человек за столом слегка приподнял голову. Я различил синий фоторецепторный глаз и лоскуты протезного сплава, покрывавшие одну сторону лица и шеи, а массивное левое плечо выглядело как боевой скафандр, но все же им не было. Почти вся левая сторона тела отсутствовала, ее место от бедра до подмышки занимали сочлененные сервоблоки. Рука представляла собой несколько стальных гидравлических систем, на конце которых находилась черная клешня. Запястье и предплечье были оборудованы полудюжиной блестящих серебряных разъемов, в один из которых и был воткнут лежавший на столе кабель. Рядом с этим разъемом лениво пульсировал

маленький красный огонек. Индикатор тока.

Я подошел к столу и отдал честь.

– Лейтенант Такеси Ковач, «Клин Карреры», – сказал я негромко.

– Ну что ж, – комендант с трудом выпрямился в кресле. – Наверное, вам хочется, чтобы здесь было посветлее, лейтенант? Я-то люблю темноту, но, – он хмыкнул, не разжимая губ, – у меня к ней приспособлены глаза. А у вас, скорее всего, нет.

Он пошарил по клавиатуре и с третьей попытки включил основные светильники, расположенные в углах комнаты. Фоторецептор потускнел, и на меня уставился мутный человеческий глаз рядом с ним. То небольшое, что осталось от лица, имело тонкие черты, которые могли бы выглядеть привлекательно, если бы долгое злоупотребление электричеством не лишило мелкую мускулатуру способности верно реагировать на нервные импульсы и не придало коменданту вялый и туповатый вид.

– Так лучше? – комендант скорее ослабил, чем улыбнулся. – Думаю, да, вы ж все-таки уроженец Внешнего Мира.

В заглавных буквах «внешнего мира» сквозила ирония.

Комендант жестом указал на мониторы в противоположном конце комнаты:

– Мира, которого не видят их маленькие глазенки и который превосходит все, о чем только могут мечтать их злобные умишки. Скажите-ка, лейтенант, мы все еще воюем за нашу

на все лады перетраханную, то есть я хотел сказать «перепаханную», полную археологических сокровищ, вдоль и поперек перепаханную землю нашей дорогой планетушки?

Мой взгляд скользнул к разъему с воткнутым кабелем и к мерцающему рядом рубиновому огоньку, затем вернулся к лицу коменданта.

– Мне понадобится все ваше внимание, комендант.

Какое-то время он смотрел на меня, затем голова его склонилась – так, словно была механической полностью, а не частично, – к разъему с кабелем.

– А, – прошептал он. – Вы об этом.

Он резко развернулся и уставился на сержанта, который маячил у самого порога вместе с двумя ополченцами.

– Покинуть помещение.

Сержант повиновался с живостью, которая давала понять, что он в принципе не больно-то хотел здесь оставаться. Статисты в формах последовали за ним, аккуратно закрыв за собой дверь. После того как щелкнул замок, комендант вновь обмяк в кресле, положив правую руку на разъем. С его губ слетел то ли вздох, то ли кашель, то ли смешок. Я ждал. Комендант поднял голову.

– Теперь там еле капает, могу вас уверить, – сказал он, указывая на по-прежнему мигающий индикатор. – Если его совсем отключить, на настоящем этапе меня это, думаю, прикончит. Если лягу, вряд ли уже встану. Вот и остаюсь в этом... кресле... Дискомфорт меня будит... время от време-

ни... – с видимым усилием он попытался сосредоточиться. – Ну так что же от меня нужно «Клину Карреры», позвольте спросить? Ценного у нас ничего нет. Медикаменты закончились уже несколько месяцев назад, даже продовольствия, что нам привозят, и то еле хватает на рационы. Для моих людей, разумеется, – я говорю о доблестных бойцах, вверенных моему командованию. Обитателям лагеря достается и того меньше, – еще один жест рукой, на этот раз в сторону мониторов. – А вот машины, конечно, есть не просят. Они самодостаточны, неприязнательны и не обременены неудобным свойством сопереживать тем, над кем поставлены надзирать. Отличные солдаты, все как на подбор. Как видите, я пытался стать одним из них, но пока не очень преуспел...

– Я не претендую на ваши материальные резервы, комендант.

– Так что тогда, карательная миссия? Я что, не вписался в какой-то новый поворот в планах Картеля? Или, может быть, подрываю боевой дух армии? – идея, по-видимому, его позабавила. – Ты ассасин, что ли? Клиновский киллер?

Я отрицательно качнул головой:

– Я прибыл за одной из ваших интернированных – Таней Вардани.

– А, ну да, археолог.

В моей груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Я молча положил на стол перед комендантом бумагу с приказом и стал ждать. Комендант неловко взял документ и при-

нялся изучать его, театрально склонив голову и подняв бумагу высоко, словно какую-то голоигрушку, разглядывать которую подобало снизу. Кажется, он что-то бормотал себе под нос.

– Что-то не так, комендант? – осведомился я негромко.

Он опустил руку и, опершись на локоть, потряс бумагой. За мелькающим листком я увидел, что во взгляде человеческого глаза внезапно появилась осмысленность.

– А зачем она вам понадобилась? – спросил он так же негромко. – Танюшка-поскребушка. На что она сдалась «Клину»?

Я холодно взвесил возможность его убийства. Это не составит труда – через пару месяцев с ним и так расправится электричество, но за дверью стоял сержант с парочкой солдат. Без оружия шансы у меня были так себе, да и параметров автотурелей я пока не знал и холодно ответил:

– А вот это, комендант, касается вас еще меньше, чем меня. У меня есть свой приказ, а у вас теперь есть ваш. Находится в вашем лагере Вардани или нет?

Однако этот, в отличие от сержанта, глаз отводить не стал. Возможно, его подстегивало нечто, вынырнувшее из пучины аддикции, какой-то тугой комок горечи в разлагающейся оболочке, облегающей его «я». А возможно, это был уцелевший осколок того гранита, из которого комендант некогда состоял целиком. Он не собирался уступать.

Моя правая ладонь за спиной сжалась и снова разжалась,

готовясь нанести удар.

Поднятая рука коменданта вдруг рухнула на стол, словно взорванная башня, и документ вылетел из пальцев. Моя рука метнулась вперед, пригвоздив бумагу к столу прежде, чем она успела упасть на пол. Из горла коменданта вырвался короткий сухой звук.

Какое-то мгновение мы оба молча смотрели на мою ладонь, прижимавшую к столу листок. Затем комендант опять обмяк в кресле.

– Сержант, – позвал он хрипло.

Дверь открылась.

– Сержант, отправляйтесь в баббл номер восемнадцать и доставьте Вардани к шаттлу лейтенанта.

Сержант отдал честь и отбыл. Оттого что решение пришлось принимать не ему, на его лице читалось такое же облегчение, как у раненого после приема болеутоляющего.

– Благодарю вас, комендант.

В свою очередь отсалютовав, я взял со стола документ и повернулся к двери. Я уже почти перешагнул порог, когда комендант заговорил снова:

– Востребованная женщина.

Я обернулся:

– Что?

– Вардани, – в его глазах блеснула искра. – Вы не первый.

– Не первый что?

– Меньше трех месяцев назад, – он увеличил ток в левой

руке, и его лицо дернулось судорогой. – Случился у нас тут небольшой рейд. Кемписты. Прорвали периметр и проникли на территорию. И оборудование у них было отличное, хотя в наших краях дела у кемпистов плохи.

Его голова безвольно откинулась на спинку кресла, из груди вырвался протяжный вздох:

– Отличное оборудование. Хотя в наших. Пришли. За ней.

Я ждал продолжения, но он лишь уронил голову набок. Я заколебался у порога. Стоявшие внизу двое солдат посмотрели на меня с любопытством. Пройдя обратно к столу, я обхватил лицо коменданта ладонями. Зрачок в человеческом глазу закатился, обнажив белок, и болтался у границы верхнего века, как воздушный шарик, что тычется в потолок комнаты, где давным-давно окончилась вечеринка.

– Лейтенант?

Оклик с лестницы снаружи. Еще несколько секунд я всматривался в отрешенное лицо коменданта. Его дыхание было слабым, рот полуоткрыт, а в углах губ притаилась тень улыбки. На периферии моего зрения вспыхивал и гас рубиновый огонек.

– Лейтенант?

– Иду.

Я отпустил голову коменданта и вышел обратно навстречу жаре, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Вернувшись к шаттлу, я обнаружил, что Шнайдер сидит на одном из передних посадочных модулей и развлекает фо-

кусками группу оборванных ребятишек. Из-под навеса ближайшего баббл-тента за ним наблюдала пара военных. Я приблизился, и Шнайдер поднял на меня взгляд.

– Что-нибудь не так?

– Все в порядке. Разгоняй малышня.

Шнайдер недоуменно поднял бровь и стал неторопливо заканчивать трюк. В финале он вытащил из-за уха каждого зрителя по маленькой игрушке с памятью формы. Шнайдер начал показывать, как они работают, и дети разом приоткрыли рот, словно не могли поверить своим глазам. Если игрушку расплющить, а потом резко свистнуть, то увидишь, как они медленно, точно амебы, расправляются обратно. Какой-нибудь корпоративной генлаборатории пора уже разработать таких вот солдат. Дети застыли с раскрытыми ртами. Получился отдельный фокус. Я-то ребенком бы посчитал такую неуничтожимую штуку настоящим ночным кошмаром, но, с другой стороны, каким бы безрадостным ни казалось мне детство, оно выглядело просто праздником по сравнению с этим местом.

– Напрасно ты внушаешь им мысль, что не все люди в форме поголовно плохие, – тихо произнес я.

Шнайдер бросил на меня удивленный взгляд и громко хлопнул в ладоши:

– Ну все, малышня. Брысь отсюда. Давайте, давайте, представление окончено.

Дети побрели прочь, с неохотой покидая свой маленький

оазис развлечений и бесплатных подарков. Скрестив на груди руки, Шнайдер смотрел ребятишкам вслед. Лицо его было непроницаемо.

– Откуда у тебя эти штуки?

– Нашел в грузовом отсеке. Была там пара ящиков с гуманитарной помощью для беженцев. Похоже, госпиталю, у которого мы попятили этот корабль, они особо негодились.

– Да уж, они там уже всех беженцев успели пристрелить, – я кивнул в сторону удалявшихся детей, которые весело щебетали, обсуждая полученные сокровища. – Лагерное ополчение, скорее всего, конфискует все это, как только мы отчалим.

Шнайдер пожал плечами:

– Да знаю. Но я все равно уже раздал шоколад и болеутоляющее. Что тут поделаешь?

Это был резонный вопрос, на который имелось множество нерезонных ответов. Уставившись на ближайшего ополченца, я прокрутил в голове самые кровавые варианты.

– А вот и она, – сказал Шнайдер, указывая куда-то в сторону.

Проследив направление его руки, я увидел сержанта с еще одной парой военных в униформах. Между военными шагала стройная фигура со скованными впереди руками. Глядя против солнца, я сощурился и повысил кратность увеличения нейрохим-модифицированного зрения.

В дни своей археологической деятельности Таня Вардани,

полагаю, выглядела получше. Ее изящная оболочка казалась, наверное, не такой истощенной, а темные волосы, наверное, были как минимум вымыты и, например, собраны в пучок. Синяки под глазами, наверное, тоже отсутствовали, а, завидев нас, она могла бы, наверное, даже слегка улыбнуться или хотя бы просто дернуть уголком большого, чуть скошенного рта в знак узнавания.

Вардани покачнулась, споткнулась и упала бы, если бы ее не удержал один из конвойных. Стоящий рядом со мной Шнайдер дернулся было вперед, но тут же остановился.

– Таня Вардани, – сухо объявил сержант, извлекая белую пластиковую ленту, сплошь испещренную полосами штрих-кодов, и сканер. – Мне понадобится подтверждение вашей личности.

Я ткнул пальцем в код на виске и спокойно подождал, когда красный луч считает его. Сержант отыскал на пластиковой ленте соответствующую Вардани полосу и провел по ней сканером. Шагнув вперед, Шнайдер взял женщину за руку и потащил к шаттлу, изображая равнодушие и бесцеремонность. На лице самой Вардани не отразилось ни малейшей эмоции. Когда я повернулся, чтобы последовать за ними, сержант окликнул меня голосом, из твердого вдруг ставшим надтреснутым.

– Лейтенант.

– Да, в чем дело? – я позволил растущему нетерпению отразиться в моем тоне.

– Она вернется?

Стоя в проеме, я повернулся к нему, выгнув бровь той же замысловатой дугой, что Шнайдер за несколько минут до этого. Сержант нарушал всю мыслимую субординацию и сам прекрасно это понимал.

– Нет, сержант, – сказал я, словно обращаясь к маленькому ребенку. – Она не вернется. Ее забирают для допроса. Просто забудьте о ее существовании.

Я закрыл дверь.

Но когда шаттл оторвался от земли, я бросил взгляд в иллюминатор и увидел, что сержант так и стоит на прежнем месте, в самом сердце бури, вызванной нашим взлетом.

Он даже не попытался закрыть лицо, чтобы защитить его от пыли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Включив гравитягу, мы полетели на запад. Под нами тянулась пустыня – скудная растительность с вкраплениями зелени более насыщенных цветов в местах, где водоносный слой залегал неглубоко. Двадцатью минутами позже мы оказались над береговой линией и заскользили над открытым морем, над водами, которые, по данным военной разведки «Клина», кишели «умными» минами кемпистов. Все это время Шнайдер поддерживал дозвуковую скорость. Отслеживать нас должно было быть нетрудно.

Большую часть полета я провел в главном отсеке, делая вид, что просматриваю сведения о текущем положении дел, которые поступали на шаттл с одного из спутников Карреры, а на самом деле натренированным глазом бывшего чрезвычайного посланника пытался оценить состояние Тани Вардани. Она ссутулилась в самом дальнем от входной двери кресле, рядом с иллюминаторами правого борта, и прижалась лбом к стеклу. Ее глаза были открыты, но смотрела ли она на проплывавший под нами пейзаж, сказать было трудно. Я не пытался заговорить с ней: в этом году мне довелось видеть тысячи похожих лиц, на которых застыла точно такая же маска, и я знал, что женщина перестанет за ней прятаться, только когда будет готова, – чего может не случиться никогда. Вардани облачилась в подобие эмоционального вакуумного костюма; это единственное средство, которое остается в человеческом арсенале, когда моральные параметры окружающей обстановки становятся настолько нестабильными, что сознание больше не может функционировать без хоть какой-то защиты. Такое состояние с некоторых пор стали именовать «военной психотравмой» – широкий термин, за которым стоит мрачное, но довольно недвусмысленное предупреждение для всех, под чье попечение попадает такой пациент. Существует множество более или менее эффективных психологических приемов, призванных выправить положение, но достижение конечной цели любой медицинской философии, считающей профилактику лучшим методом ле-

чения, в данном случае определенно лежит за пределами человеческих возможностей.

Ничего удивительного, что мы по-прежнему бродим по изыщным развалинам марсианской цивилизации, размахивая неандертальскими орудиями труда и не имея ни малейшего представления об устройстве этой древней культуры. Вы же не ждете от мясника способности понять или повторить действия бригады нейрохирургов. Невозможно наверняка сказать, какой непоправимый ущерб мы уже нанесли тому корпусу знаний и технологий, который марсиане так опрометчиво предоставили в наше распоряжение. В конечном счете, мы мало чем отличаемся от стаи шакалов, шныряющих среди обломков и трупов на месте крушения самолета.

– Подлетаем, – сообщил по интеркому Шнайдер. – Зайти не хочешь?

Я оторвал голову от голографического дисплея, смахнул инфогранулы к основанию и посмотрел на сидящую напротив Вардани. Она слегка шевельнулась от голоса Шнайдера, но взгляд, устремленный на вмонтированный в потолок динамик, по-прежнему оставался потухшим. Вытрясти из Шнайдера правду о его прошлых отношениях с этой женщиной не составило труда, но я до сих пор точно не понимал, как они повлияют на нынешнее положение дел. По его уверениям, их связь продлилась недолго, резко оборвавшись с началом войны два года назад, и сейчас никаких проблем

доставить не могла. Моим же самым мрачным сценарием была версия о том, что вся история о звездолете окажется изошренной аферой, затеянной Шнайдером с единственной целью: освободить археолога и убраться с планеты вместе с ней. Ведь если верить коменданту лагеря, Вардани уже пытались освободить, и какая-то часть моего сознания задавалась вопросом, а не были ли те загадочные прекрасно экипированные командос предыдущими облапошенными жертвами Шнайдера. Если так оно в конце концов и окажется, я буду очень рассержен.

Впрочем, той части моей интуиции, к которой стоило прислушиваться, такая идея не казалась очень уж правдоподобной; слишком много деталей подтвердилось с тех пор, как мы покинули госпиталь. Даты и имена были верными – на побережье к северо-западу от Заубервиля действительно проводились археологические раскопки, и руководителем числилась Таня Вардани. Транспортным агентом значился пилот Гильдии Иэн Мендель, но на снимке было лицо Шнайдера, а в спецификации фигурировал серийный номер и данные о рейсах громоздкого суборбитального «Мовай» десятой серии. Даже если Шнайдер уже и пробовал вытащить Вардани, делал он это в силу куда более приземленных причин, а не из простой симпатии.

А если он тут ни при чем, значит, в игру приняли кого-то еще.

Так или иначе, за Шнайдером стоит приглядывать.

Я опустил панель дисплея и поднялся – в тот самый момент, когда шаттл накренился, выполняя разворот в сторону моря. Ухватившись рукой за багажную полку, я опустил взгляд на археолога:

– Советую пристегнуться. Сейчас несколько минут будет немного потряхивать.

Она не ответила, но ее руки, лежавшие на коленях, шевельнулись. Я направился к кабине пилота.

Сидевший в кресле ручного управления Шнайдер и поднял голову при моем появлении. Его ладони расслабленно лежали на подлокотниках. Он кивнул на максимизированный цифровой дисплей в верхней части приборной проекционной сетки.

– Счетчик глубины по-прежнему показывает меньше пяти метров. Уклон пологий, и глубоководья мы достигнем только через несколько километров. Ты уверен, что это говно так близко не подплывает?

– Если бы подплывало, то торчало бы из воды, – сказал я, опускаясь в кресло второго пилота. – Управляемая мина не сильно меньше бомбы-«мародера». Практически автоматизированная мини-подлодка. Система работает?

– Ага. Можешь надевать маску. Пульт управления оружием на правом подлокотнике.

Я натянул на лицо эластичную стрелковую маску и коснулся висков, включая изображение. Вокруг меня возникло яркое море первичных цветов – бледно-синяя вода, тем-

но-серое дно. Электроника отображалась красным, насыщенность которого определялась заданными мной параметрами. Основная часть была светло-розовой – мертвый металлический хлам, не проявлявший никакой электроактивности. Я погрузился в виртуальное отображение данных, идущих от сенсоров шаттла, заставил себя не вглядываться в дно и перешел в состояние дзена.

Чрезвычайных посланников не учили тралению, но предельная бдительность, которая достигается, как ни парадоксально, через полное отсутствие каких-либо ожиданий, была краеугольным камнем основной подготовки. Чрезвычайный посланник Протектората, когда его как ОЧС – оцифрованное человеческое сознание – пересылают гиперпространственным пробоем, должен ожидать в буквальном смысле чего угодно. Обычно ты оказывался в незнакомом теле в незнакомом мире, под огнем противника. Даже при благоприятных обстоятельствах никакой инструктаж не в силах подготовить человека к такой радикальной смене обстановки. Что уж говорить о тех по меньшей мере нестабильных, а по большей – смертельно опасных ситуациях, для разрешения которых был создан Корпус чрезвычайных посланников.

Вирджиния Видаура, инструктор Корпуса, руки в карманах комбинезона, спокойным, задумчивым взглядом изучает наши лица. Первый день тренировок.

«Поскольку логистически невозможно предугадать все, – спокойно сообщила она, – мы научим вас не предугадывать

в принципе. Тогда вы будете готовы ко всему».

Мое сознание даже не успело зафиксировать появление первой мины. Когда я краем глаза заметил красную вспышку, руки уже захватили цель и запустили самонаводящиеся микроракеты. Малютки прочертили зеленые трассы над виртуальной морской гладью, вонзились в воду, как острые ножи в мягкость, и прошили притаившуюся в глубине мину, прежде чем та смогла уклониться или провести ответную атаку. Последовал взрыв, и поверхность моря выгнулась вверх, как человеческое тело на столе для допросов.

В незапамятные времена люди управляли своими системами вооружения самостоятельно. Они поднимались в воздух на летательных аппаратах размером не больше корыта с крыльями и оборудованных немногим лучше и использовали то немудрящее оружие, что удавалось уместить рядом с собой в кокпите. Позже для этих целей были разработаны машины, которые делали свое дело быстрее и гораздо точнее, чем это было по плечу человеку, и на какой-то период небо целиком принадлежало им. Затем на сцену вышла биотехнология, которая вернула людям конкурентоспособность, и внезапно они снова сравнивались с машинами в скорости и меткости. С тех пор это превратилось в своеобразную технологическую гонку, ход которой определялся тем, что же удастся усовершенствовать первым – автоматику или человеческий фактор. И психодинамика чрезвычайных посланников была резким и неожиданным рывком по полосе

обгона.

Существуют военные машины быстрее меня, но нам не повезло: на борту таких не было. Реквизированный у госпиталя шаттл был судном обеспечения, и его чисто оборонительное вооружение сводилось к турели в носовой части и установке для запуска ложных целей, которой я не доверил бы защиту воздушного змея. Придется поработать самим.

— Одна есть. Остальные где-то неподалеку. Сбавь ход. Снижайся и готовь хлопушки.

Они появились с запада, ползли по дну, похожие на толстых бочкообразных пауков, привлеченных жестокой смертью собрата. Я почувствовал, как нос шаттла опустился вниз — это Шнайдер пошел на снижение, выровняв судно, когда между ним и морской поверхностью оставалось каких-нибудь десять метров; затем последовал сильный глухой удар — это выдвинулись бомбодержатели с хлопушками. Я не сводил глаз с приближавшихся мин. Их было семь, и все направлялись к нам. Обычно они ходят пятерками, так что это, видимо, были остатки двух групп, хотя кто смог так существенно проредить их ряды, оставалось для меня загадкой. Судя по тому, что я прочел в рапортах, с начала войны в эти воды заходили исключительно рыболовецкие суда. Морское дно густо усеивали их обломки.

Я взял на прицел головную мину и уничтожил ее почти небрежным движением. Оставшиеся шесть выпустили свои первые торпеды. Вырвавшись из-под воды, те устремились к

нам.

– Мы на мушке.

– Вижу, – коротко бросил Шнайдер, и шаттл дернулся, заходя на вираж. Я сыпанул в воду щепотку самонаводящихся микроракет.

«Умные» мины на самом деле довольно глупы. И это понятно: диапазон задач, для которых они спроектированы, настолько узок, что слишком продвинутый интеллект им противопоказан. Закрепившись на морском дне при помощи клешни, чтобы обеспечить стабильность запуска, они ждут, когда над ними пройдет цель. Некоторые способны зарываться достаточно глубоко, чтобы ускользнуть от внимания спектросканеров; некоторые камуфлируются под обломки. По сути, это стационарное оружие. Они могут вести огонь и в движении, но точность при этом страдает.

Что еще лучше, их система устроена по принципу «или-или», перед выстрелом определяя цель либо как наводную, либо как воздушную. Против последних они используют микроракеты класса «земля-воздух», против первых – торпеды. При необходимости торпеды превращаются в ракеты, сбрасывая двигатель при выходе из воды и в воздухе используя примитивное сопло, но они *медленные*.

Мы шли почти вплотную к воде, снизив скорость практически до нуля, и поэтому мины решили, что мы – корабль. Торпеды вынырнули в тени шаттла, не обнаружили цели, и, пока стряхивали с себя двигатели, с ними расправились на-

ши самонаводящиеся ракеты. Тем временем россыпь снарядов, которую я сбросил в море, уже отыскала и уничтожила две – нет, постоите, три – мины. Если так пойдет дело...

СБОЙ СИСТЕМЫ.

СБОЙ СИСТЕМЫ.

СБОЙ СИСТЕМЫ.

В правом верхнем углу зрения запульсировал световой индикатор и поползли строки сообщения об ошибке. Времени читать его у меня не было. Пульт не подавал признаков жизни, управление оружием было намертво заблокировано, очередная пара микроракет покоилась в пусковых трубах. *«Сраное ооновское старье»*, – подобно падающему метеору, промелькнуло в голове. Я ударил по кнопке аварийного устранения неполадок. Система мобилизовала свои rudimentary диагностические способности и начала выискивать причину неисправности. Не успеть. На поиски могут уйти целые минуты. Оставшиеся три мины выпустили против нас ракеты «земля-воздух».

– Шн...

Шнайдер, при всех своих недостатках, был хорошим пилотом. Я еще не успел выговорить первый слог его имени, а он уже резко задрал нос шаттла, и мы устремились вверх, сопровождаемые шлейфом ракет «земля-воздух».

– Заклинило.

– Знаю, – его голос был напряжен.

– Выпускай «хлопушки»! – прокричал я, пытаюсь пере-

крыть сигналы тревоги. Показатели высоты на альтиметре перевалили за километр.

– Понял.

Шаттл загрохотал, выбрасывая бомбовые кассеты. Они взорвались за нашим хвостом через две секунды после запуска, испестрив небо крошечными электронными обманками. Ракеты израсходовали себя в этом облаке. Краем глаза я увидел, что индикатор на панели управления орудиями вспыхнул зеленым, и, словно в подтверждение, пусковая установка исполнила последнюю, необработанную команду, запустив пару ждавших своей очереди микроракет в свободное от каких бы то ни было целей пространство позади нас. Сидящий рядом Шнайдер издал победный возглас и развернул корабль. Стабилизационное поле компенсировало маневр с запозданием, и, почувствовав, как заходили ходуном кишки, я понадеялся, что Таня Вардани перед вылетом ничего не ела.

Несколько секунд мы парили на крыльях антигравитационных полей шаттла, после чего Шнайдер пошел на снижение. Мы почти отвесно спикировали к поверхности моря, где нас встретила вторая волна ракет.

– Хлопушки!!!

Снова бухнули, выдвигаясь, бомбодержатели. Выцелив три оставшихся мины, я выпустил последние микроракеты и затаил дыхание. Запуск прошел чисто. В тот же самый момент Шнайдер снова врубил гравполя, и наше суденышко

содрогнулось всем корпусом. Хлопушки, падающие теперь быстрее, чем выпустивший их шаттл, включивший аварийный реверс, сдетонировали почти перед самым нашим носом. Экран перед моими глазами сплошь залило багрянцем ложных сигналов, выпускаемых ловушками, и взрывов накинущихся на них ракет «земля-воздух». Наши микроракеты, по моему точному расчету, покинувшие борт за считанные мгновения до того, как сдетонировали хлопушки, были уже далеко, устремляясь к минам, притаившимся где-то внизу.

Шаттл спустился вслед за обломками хлопушек и сдетонировавших ракет. Буквально перед тем как мы коснулись морской поверхности, Шнайдер запустил еще одну, произведенную по особому рецепту, пару хлопушек. Они сдетонировали сразу после того, как мы скрылись под водой.

– Погрузились, – сообщил Шнайдер.

Бледно-голубой на моем экране становился все более насыщенный, по мере того как мы отвесно уходили вглубь. Я повертел головой, разыскивая мины, и, к своему удовлетворению, не обнаружил ничего, кроме хлама. Я наконец выдохнул – вдыхал я в последний раз еще тогда, когда небо вокруг кишело ракетами, – и откинулся на спинку кресла.

– Вот это, – сказал я в пространство, – была заваруха так заваруха.

Мы достигли дна, уперлись в него на мгновение, затем снова чуть подались вверх. Вокруг нас медленно оседала шрапнель, оставшаяся от последней пары хлопушек. Я оки-

нул внимательным взглядом окрашенные в розовый осколки и улыбнулся. Эту пару я собрал лично. Собственно производство заняло у меня меньше часа в ночь перед тем, как мы отправились за Вардани, – зато больше трех дней ушло на то, чтобы облазить бывшие зоны боевых действий и разбомбленные взлетно-посадочные поля и насобирать частей для корпуса и электронику для начинки.

Я содрал с головы стрелковую маску и потер глаза:

– Сколько нам добираться?

Шнайдер протянул руку к приборному дисплею:

– Часов шесть при сохранении нынешней плавучести. Если помогу течению гравями, прибудем вдвое раньше.

– Угу, или взлетим на воздух. Я пережил последние две минуты не для того, чтобы снова стать мишенью. Поля не включай, а время используй для того, чтобы почистить базы данных этого корыта.

Шнайдер строптиво взглянул на меня:

– А ты чем собираешься заниматься?

– Ремонт, – бросил я, направляясь к Тане Вардани.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В отсветах пламени ее лицо казалось камуфляжной маской, сотканной из света и тьмы. До того как лагерная жизнь наложила на него свой отпечаток, это лицо могло считаться красивым. Суровые условия, в которых содержались полит-

заключенные, превратили его в обтянутый кожей череп. Запавшие глаза, ввалившиеся щеки. Отблески огня плясали в глубоком колодце взгляда, в неподвижных зрачках. Спадавшие на лоб волосы напоминали солому. В углу рта была зажата одна из моих сигарет, так и не зажженная.

– Не хотите такое курить? – спросил я.

Разговор происходил словно по каналу плохой спутниковой связи – прошло две секунды, прежде чем искры, отражавшиеся в ее глазах, переместились вверх и сосредоточились на мне. Голос, ослабевший от долгого неупотребления, был бесцветен:

– Что?

– Я о сигаретах. «Сайт Севен». Лучшее, что я смог раздобыть за пределами Лэндфолла.

Я протянул ей пачку, и Таня покрутила ее в руках. Она дважды перевернула ее туда-сюда, прежде чем смогла отыскать полоску прикуривателя и приложить ее к зажатой во рту сигарете. Ветер унес почти весь дым, но какую-то его часть Вардани вдохнуть успела. Она поморщилась.

– Спасибо, – она держала пачку в сложенных ковшом ладонях, словно та была каким-то зверьком, которого она только что спасла, вытащив из воды.

Я молчал, курил, скользя взглядом по деревьям, стеной выстроившимся вдоль берега. Рефлекторная осторожность без всякого фактического повода для беспокойства – посланнический аналог расслабленного постукивания пальцами в

такт музыке. Посланник помнит об опасности вокруг так же, как большинство людей знает, что, если выпустить предмет из рук, он упадет на землю. Навыки посланника закладываются на инстинктивном уровне. Посланник никогда, ни при каких условиях не теряет бдительности, так же как нормальный человек не разожмет пальцев, держа на весу наполненный стакан.

– Вы что-то со мной сделали.

Она произнесла эти слова тихо, как и предыдущие, но когда я перевел на нее взгляд, то увидел, что ее глаза уже не пусты. Ее фраза не была вопросом.

– Я это чувствую, – она прикоснулась к голове широко растопыренными пальцами. – Вот здесь... как будто бы... отверстие.

Я кивнул, пытаюсь подобрать верные слова для объяснения. В большинстве миров, на которых мне довелось побывать, вторжение в чужое сознание расценивается как серьезное нарушение моральных норм, и только государственным органам позволено заниматься этим на регулярной основе. Не было никаких оснований полагать, что сектор Латимера, Санкция IV или Таня Вардани отнесутся к этому иначе. Техники кооптации, используемые чрезвычайными посланниками, позволяют довольно бесцеремонно вторгнуться в глубокие колодцы психосексуальной энергии, управляющей человеком на генетическом уровне. Должным образом разработанная материнская порода животной силы, залега-

ющая в этих колодцах, ускоряет психологическое исцеление на несколько порядков. Процесс начинается с легкого гипноза, затем устанавливается поверхностная эмоциональная связь, а затем следует стадия тесного телесного контакта, который отличается от сексуальной прелюдии только названием. Слияние обычно завершается мягким, гипнотически вызванным оргазмом, но в случае Вардани что-то заставило меня отказаться от этого последнего этапа. Процедура и без того слишком походила на сексуальное насилие.

С другой стороны, Вардани мне была нужна в хорошей психической форме, а в нормальных обстоятельствах восстановление этой формы заняло бы месяцы, если не годы. У нас не было этого времени.

– Это особая техника, – сказал я осторожно. – Терапевтическая система. Я в прошлом был чрезвычайным посланником.

Она затаилась сигаретой:

– Я считала, что посланники – машины для убийства.

– Это Протекторат хочет, чтобы вы так считали. Они внушают это людям, чтобы держать колонии в подсознательном страхе. На самом деле все гораздо сложнее и, в конечном счете, если вдуматься, намного страшнее, – я пожал плечами. – Большая часть людей вдумываться не любит. Слишком велик труд. Куда лучше полагаться на отредактированные и примитивные выжимки.

– И что же это за кадры?

Разговор завязывался. Я склонился к пламени костра.

– С Шарии. Адорасьона. Посланники, большие, грозные, высокотехнологичные, они прямо с луча гиперсвязи загружаются в наисовременнейшие модели биотехоболочек, чтобы сокрушить любые силы сопротивления. Конечно, бывало и такое, но большинство людей не знают, что пять наших самых удачных операций прошли практически бескровно, исключительно дипломатическими средствами, пусть и под прикрытием. Политическая инженерия. Мы появлялись, исчезали, и никто даже не замечал нашего присутствия.

– Похоже, вы этим гордитесь.

– Вовсе нет.

Она пристально посмотрела на меня:

– Потому и «бывало»?

– Вроде того.

– Ну и каким образом покидают ряды чрезвычайных посланников?

Я ошибался. Это был не разговор. Таня Вардани меня прощупывала.

– Ты сам подал в отставку? Или тебя выперли?

Я слабо улыбнулся:

– Если не возражаешь, я бы предпочел сменить тему.

– Сменить тему? – она не повысила голоса, но в нем зазвенели ледяные отзвуки ярости. – Черт тебя подери, Ковач. Кого ты из себя строишь? Заваливаешься на эту планету со своим сраным оружием массового поражения и мордой про-

фессионального убийцы и пытаешься изобразить тут передо мной глубокую душевную травму? В жопу тебя и твою боль. Я чуть не умерла в том лагере. Видела, как умирают другие женщины и дети. Мне насрать, через что ты там прошел. Отвечай. Почему ты ушел из Корпуса?

Наступившую тишину нарушал только треск костра. Я нашел взглядом тлеющий в его сердцевине уголек и некоторое время наблюдал за его янтарным мерцанием. Я снова видел лазерный огонь, полосующий грязь, и изуродованное лицо Джимми де Сото. Эта картина всплывала в моей голове бесчисленное число раз, но я так и не смог к ней привыкнуть. Какой-то идиот как-то сказал, что время лечит все раны, но в его времена еще не было посланников. Наша подготовка посланников включала в себя фотографическую память, и уход из Корпуса не помогает от нее избавиться.

– Ты знаешь что-нибудь об Инненине? – спросил я.

– Разумеется, – было бы странно, если бы не знала: Протекторат не так часто получал по морде, так что, когда это случалось, новости разлетались быстро, даже и на межгалактические расстояния. – Ты там был?

Я кивнул.

– Я слышала, что все погибли в результате вирусной атаки.

– Не совсем так. Вся вторая волна, да. Вирус запустили слишком поздно, чтобы накрыть первый плацдарм, но какая-то его часть просочилась через коммуникационную сеть и подожарила большую часть оставшихся. Мне повезло. Мой

коммуникатор был неисправен.

– Ты потерял товарищей?

– Да.

– И подал в отставку?

Я покачал головой:

– Был списан по инвалидности. Психопрофиль показал непригодность к службе в Корпусе.

– Ты же сказал, что твой коммуникатор...

– От вирусной атаки я не пострадал, меня вывело из строя то, что случилось после, – я говорил медленно, стараясь не растревожить осевшую в глубине горечь. – Была назначена следственная комиссия – об этом ты, должно быть, тоже слышала.

– Они предъявили обвинение Верховному командованию, так?

– Ну да, и обвинение продержалось минут десять. После чего дело закрыли. Вот примерно тогда я и стал не годен к службе в Корпусе. Можно сказать, у меня произошел кризис веры.

– Очень трогательно. – Вспышка гнева израсходовала силы Вардани, ярость в ее голосе внезапно сменилась усталостью. – Жалко, что он недолго продлился, да?

– Я больше не работаю на Протекторат, Таня.

Она кивнула на мой китель:

– Эта униформа говорит об обратном.

– Эта униформа, – я прикоснулся к черной ткани и по-

морщился, — исключительно временное явление.

— Не думаю, Ковач.

— На Шнайдере такая же, — напомнил я.

— Шнайдер... — его имя неуверенно слетело с ее губ. О том, что его зовут не Мендель, она определенно услышала впервые. — Засранец твой Шнайдер.

Я повернул голову в сторону шаттла. Грохот, доносившийся оттуда, явно был неоправданно громким. Методы, которыми я вывел Вардани из ступора, Шнайдер воспринял довольно болезненно; еще меньший восторг вызвала у него просьба оставить нас у костра наедине.

— Вот как? Я считал, что вы с ним...

— Ну... — с минуту она молча смотрела на огонь. — Он привлекательный засранец.

— Ты знала его до раскопок?

Она покачала головой:

— До раскопок никто никого не знал. Обычно просто получаешь назначение и надеешься на лучшее.

— И ты получила назначение в Дангрек? — спросил я небрежно.

— Нет, — она поежилась, словно от холода. — Я мастер Гильдии. Могла остаться на равнине, если бы захотела. Я сама выбрала Дангрек. Остальные в команде были скребунами, которым выбирать не приходилось. В причины моего прихода они не поверили, но были молоды и полны энтузиазма. Наверно, подумали, что даже раскопки в компании эксцентри-

ка лучше, чем никаких раскопок.

– А что у тебя были за причины?

Наступила долгая пауза, во время которой я мысленно проклинал себя за оплошность. Мой интерес был искренним: о Гильдии археологов я знал только по популярным изданиям, пересказывающим основные моменты ее истории и нечастые успехи. Мне не доводилось встречать мастера Гильдии прежде, а то, что смог сообщить о раскопках Шнайдер, по всей очевидности, он почерпнул из постельных разговоров с Вардани и переврал из-за поверхностности собственных знаний. Мне хотелось услышать полную версию. Но если Таня Вардани чего-то и успела хлебнуть с избытком во время своего заключения, то это допросов. Даже та крохотная толика настойчивости, что проступила в моем голосе, должна была подействовать на нее как разорвавшаяся бомба-«мародер».

Пока я соображал, как бы половчее прервать наступившую паузу, Таня заговорила сама. Голос ее при этом дрожал лишь самую малость:

– Ты хочешь добраться до корабля? Менде... – она запнулась. – Шнайдер тебе о нем рассказал?

– Да, но рассказ был довольно невнятный. Вы что, знали, что он там окажется?

– Не то чтобы знали. Но обнаружив, не удивились. Рано или поздно такое должно было случиться. Тебе доводилось читать Вычинского?

– Доводилось о нем слышать. Теория центров, верно?
Она натянуто улыбнулась:

– Теория центров не принадлежит Вычинскому; она просто всем ему обязана. Вычинский, впрочем, не только он, в свое время утверждал: все находки, связанные с марсианами, указывают на то, что их общество было куда более атомизированным, чем наше. Ну ты понимаешь – крылатые плотоядные существа, ведущие свое происхождение от летающих хищников; практически никаких культурных свидетельств стайного поведения, – ее речь стала гладкой, разговорная манера произвольно все больше сменялась лекторской. – Из этого вытекает, что им было нужно куда больше личного пространства, чем нам, а также ослабленная тенденция к социальному взаимодействию в целом. Можешь думать о них как о хищных птицах, если угодно. Агрессивные одиночки. Тот факт, что у них вообще были города, говорит о том, что им удалось, по крайней мере частично, преодолеть это генетическое наследие – возможно, таким же образом, каким человечеству удалось худо-бедно обуздать ксенофобию, следствие стайного поведения. В чем Вычинский расходится с остальными экспертами, так это в своей уверенности в том, что такая тенденция подавлялась лишь до степени, необходимой, чтобы социализация была достаточно желательной, а по мере технологического развития начала высвобождаться обратно. Пока все понятно?

– Более-менее.

На самом деле с пониманием у меня проблемы не было, и основные положения мне уже в том или ином виде приходилось слышать раньше. Но чем больше говорила Вардани, тем свободнее себя чувствовала, и чем дольше продолжался рассказ, тем больше была вероятность, что ее стабильное состояние закрепится. Даже за те недолгие мгновения после того, как она вошла в лекторский режим, она успела оживиться: жестикуляция стала активной, отрешенность на лице сменилась сосредоточенностью. С каждой секундой Таня Вардани все больше становилась собой.

– Ты упомянул теорию центров. Это фуфловая производная от взглядов Вычинского: ее состряпали говнюки Картер и Богданович, решившие попаразитировать на его работах по марсианской картографии. Дело в том, что одна из особенностей марсианских карт – отсутствие на них общих центров. Куда бы ни отправлялись археологические команды, они всегда обнаруживали, что в центре карт, которые им удавалось найти на раскопках, находится само место раскопок. Любой населенный пункт помещал себя аккурат в сердцевину карт, обозначая себя самой крупной блямбой, вне зависимости от истинного размера или очевидного значения. Вычинский утверждал, что в этом нет ничего удивительного, поскольку это хорошо увязывается с уже имеющимися у нас предположениями об устройстве марсианского мышления. Для любого марсианина, составляющего карту местности, самым важным пунктом на ней неизбежно был тот,

где находился составитель. Все, что сделали Картер и Богданович, – распространили эту логику на астронавигационные карты. Если каждый марсианский город полагал себя центром планетарной карты, то каждая колония, в свою очередь, считала себя центром марсианской гегемонии. Поэтому тот факт, что Марс на всех этих картах обозначен большой точкой в абсолютном центре, объективно говоря, ничего не значит. Марс легко мог быть недавно колонизированным захолустьем, а настоящий центр могла скрывать за собой буквально любая другая маленькая отметина, – она презрительно поморщилась. – Вот в чем состоит теория центров.

– Похоже, тебе она не кажется очень убедительной.

Вардани выдохнула дым в ночную темноту:

– Нет, не кажется. Как сказал в свое время Вычинский, какая, на хер, разница. Картер с Богдановичем совершенно упустили главное. Признавая справедливость предположения Вычинского о марсианском восприятии пространства, они должны были также понять, что вся концепция гегемонии как таковая была, по всей вероятности, чужда марсианскому мышлению.

– О как.

– Ну да, – еще одна натянутая улыбка, более принужденная, чем предыдущая. – Вот тут-то дело начало принимать политический оборот. Вычинский официально заявил, что, в каком бы месте ни зародилась марсианская раса, нет никакой причины полагать, что значение ее изначального мира в

общем порядке вещей превосходило – я цитирую – «необходимый фактический общеобразовательный минимум» – конец цитаты.

– «Мама, а откуда мы взялись?» Что-то вроде этого?

– Именно. Можно указать это место на карте со словами «вот откуда мы когда-то вышли», но, поскольку «где мы находимся сейчас» намного важнее, дань уважения родине этим и исчерпывается.

– Вычинский навряд ли думал о том, чтобы отказаться от своих взглядов как категорически противных человеческой природе?

Вардани пристально посмотрела на меня:

– Сколько тебе на самом деле известно о Гильдии, Ковач?

Я отмерил большим и указательным пальцем скромный отрезок:

– Извини, просто люблю повыделываться. Я с планеты Харлан. Процесс Минору и Гретцки пришелся на мои подростковые годы. Я в то время состоял в банде. Тогда, чтобы показать, какой ты антисоциальный, проще всего было нарезать воздушные граффити на тему суда там, где народу побольше. Мы все знали тексты протоколов наизусть. «Категорически противны человеческой природе» часто повторялось в отречении Гретцки. Похоже, это была шаблонная формула Гильдии, чтобы обеспечить сохранность исследовательских грантов.

Вардани опустила взгляд:

– Какое-то время так и было. И нет, Вычинский не стал плясать под эту дудку. Он любил марсиан, восхищался ими и говорил об этом публично. Поэтому его имя тебе известно лишь в связи с говнотеорией центров. Его лишили финансирования, изъяли из печати большую часть его работ и передали эстафету Картеру и Богдановичу. И эти две шлюхи с удовольствием отсосали в ответ. В тот же год комиссия ООН одобрила семипроцентное увеличение стратегического бюджета Протектората исключительно из-за параноидальной предпосылки, что где-то там за углом нас поджидает Марсианская Сверхкультура и готовится напасть.

– Мило.

– Ага, и опровергнуть невозможно. Все астронавигационные карты, обнаруженные на других планетах, подтверждают изыскания Вычинского: каждая планета помещает себя в центр, так же как это сделал Марс, и этим единственным фактом запугивают ООН, которая поддерживает большой стратегический бюджет и усиленное военное присутствие на всех территориях Протектората. Никто не желает знать о том, в чем истинный смысл теории Вычинского, а те, кто говорит об этом слишком громко или пытается применить его результаты в собственных исследованиях, либо немедленно лишаются финансирования, либо подвергаются осмеянию, что в итоге означает одно и то же.

Она швырнула сигарету в огонь, наблюдая, как ее пожирает пламя.

– Это и с тобой произошло? – спросил я.

– Не совсем.

С последним слогом она плотно сомкнула губы, словно навешивая на тему замок. За спиной я услышал шаги Шнайдера, у которого исчерпался список ремонтных работ или терпение. Я пожал плечами:

– Договорим позже, если будет желание.

– Может быть. Ну а теперь выкладывайте, два мачо, что это за фигню с гравитационными маневрами вы сегодня устроили?

Я взглянул на Шнайдера, присаживающегося к костру:

– Слышал? Поступила жалоба на развлекательную программу рейса.

– Суки всё-таки эти пассажиры, – хмыкнул Шнайдер, опускаясь на песок и на лету подхватывая шутку. – Ничего не меняется.

– Ты будешь рассказывать или я?

– Твоя же была идея. «Севен» еще остались?

Вардани подняла пачку и бросила Шнайдеру. Повернулась ко мне:

– Итак?

– Какими бы там археологическими достоинствами ни обладало побережье Дангрека, – начал я медленно, – оно все-таки находится на территории Северного предела, а Северный предел для «Клина Карреры» – это одна из девяти ключевых целей, необходимых для победы в войне. И, судя по

количеству органических повреждений, нанесенных в этом регионе к настоящему моменту, кемписты пришли к такому же заключению.

– И?

– И организация археологической экспедиции на территорию, за которую сражаются Кемп с «Клином», не вписывается в мое представление о мудрых поступках. Нам нужно, чтобы боевые действия перенесли.

– *Перенесли?*

Я с большим удовольствием услышал недоверие в ее голосе. Желая усилить эффект, я продолжил, снова пожав плечами:

– Перенесли или отложили. Как получится. Так или иначе, нам нужна помощь. И единственное место, где мы можем получить помощь такого рода, – это корпорации. Мы направляемся в Лэндфолл, а раз я в настоящий момент, предположительно, должен находиться на фронте, Шнайдер – кемпистский дезертир, ты – военнопленная, а наш шаттл – чужая собственность, нам не помешает оставить кое-какой ложный след. Спутниковое наблюдение покажет, что встреча с «умными» минами закончилась для нас печально. Обломки, найденные при осмотре морского дна, подтвердят эту версию. Если никто не вознамерится копать слишком уж глубоко, нас посчитают пропавшими без вести или погибшими, что меня устраивает как нельзя лучше.

– Ты рассчитываешь, что они на этом остановятся?

– Ну, война есть война. Смерть тут дело обычное, – я вытянул из костра ветку и принялся набрасывать на песке карту континента. – Может, конечно, вызвать вопросы, что это я вообще здесь делал, вместо того чтобы принимать командование на Пределе, но такого рода детали обычно начинают анализировать только после боевых действий. Сейчас у «Клина Карреры» мало сил на севере, а кемписты продолжают теснить их к горам. С фланга наступает Президентская гвардия, – я ткнул в песок своей импровизированной указкой, – а отсюда наносит ракетные удары флот ледоколов Кемпа. У Карреры есть занятия поважнее, чем разбираться в обстоятельствах моей кончины.

– И ты правда полагаешь, что Картель все это поставит на паузу исключительно ради тебя? – горящий взгляд Тани Вардани переместился с моего лица на Шнайдера. – Ты же на это не купился, правда, Ян?

Тот неопределенно махнул рукой:

– Просто послушай его, Таня. Он в системе, так что он знает, о чем говорит.

– Ага, *как же*, – беспокойный, обжигающий взгляд снова вернулся ко мне. – Не думай, будто я не признательна за то, что ты вытащил меня из лагеря, – я признательна. Думаю, ты даже не представляешь насколько. Но теперь, когда я оттуда выбралась, я бы очень хотела остаться в живых. Это вот все, весь этот *план* – полная лажа. Ты просто нас всех угрохаешь – нас либо прихлопнет корпоративный самурай в Лэндфол-

ле, либо мы поляжем под перекрестным огнём у Дангрека. Не станут они...

– Ты права, – сказал я терпеливо, и она удивленно смолкла. – В какой-то степени ты права. Крупные корпорации из Картеля даже слушать нас не будут. Им проще убить нас, устроить тебе виртуальный допрос, как следует надавить, пока ты не выложишь все, что им нужно, а потом придержать информацию до конца войны, который будет для них победным.

– Если будет.

– Будет, – уверил я. – Они всегда побеждают, так или иначе. Но мы не станем обращаться к крупным корпорациям. Мы поступим умнее.

Я сделал паузу и принялся ворошить костер, выжидая. Углом глаза я видел, как напряженно склонился вперед Шнайдер. Без Тани Вардани план ничего не стоил, и мы все это понимали.

Раздавался шепот прибоя. Что-то хрустело и потрескивало в пламени костра.

– Ладно, – она слегка шевельнулась, словно прикованный к постели больной, который пытается устроиться поудобнее. – Продолжай. Я слушаю.

У Шнайдера вырвался вздох облегчения. Я кивнул:

– Мы сделаем вот что. Мы возьмем в оборот одну конкретную корпорацию – из тех, что помельче и поголоднее. Прощупывание ситуации может занять какое-то время, но

сложностей, думаю, не будет. А после того как определим цель, мы сделаем им предложение, от которого они не смогут отказаться. Уникальную сделку с ограниченным сроком действия, завлекательной скидкой и гарантированным удовольствием от покупки.

Я заметил, как Вардани переглянулась со Шнайдером. Возможно, она вспомнила о нем из-за всех этих товарно-денежных метафор.

– Какой бы маленькой и голодной ни была эта корпорация, Ковач, она все равно остается корпорацией, – ее глаза смотрели прямо в мои. – Финансовые возможности планетарного масштаба. А убийство и виртуальный допрос вряд ли обходятся дорого. Как ты намереваешься исключить этот вариант?

– Просто. Напугать их.

– *Напугать* их, – она на мгновение замолчала, а затем издала короткий произвольный смешок. – Ковач, тебя надо записывать и продавать. Ты идеальное средство для выхода из посттравматического синдрома. Ну поведай же. Как ты собираешься *напугать* корпоративный блок? Покажешь им кукольный спектакль в жанре слэшера?

Мои губы тронула неподдельная улыбка:

– Что-то вроде того.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Половину утра следующего дня Шнайдер провозился, зачищая базу данных шаттла, пока Таня Вардани бесцельно нарезала круги по песку или присаживалась у открытого люка, чтобы поговорить с пилотом. Я предоставил их самим себе и ушел на дальний конец берега, к мысу, оканчивающемуся черной скалой. Взобраться на нее не составило труда, и вид, открывшийся оттуда, искупал те несколько царапин, которых стоило восхождение. Я прислонился к скале и взглянул на горизонт, вспоминая обрывки сна, который привиделся мне предыдущей ночью.

Харлан по стандартам пригодной для обитания планеты невелик, и его моря безостановочно ходят ходуном под влиянием трех его лун. Санкция IV намного больше, даже больше, чем Латимер или Земля, и не имеет естественных спутников, из-за чего океаны на ней огромны, а воды в них спокойны. На фоне воспоминаний о годах моей юности на Харлане эта тишь и гладь всегда казалась мне слегка подозрительной, как будто море затаило свое соленое дыхание в ожидании какого-то катаклизма. Чувство нельзя было назвать приятным, и подготовка его, как правило, блокировала, попросту не давая подобным сравнениям всплывать в мозгу. Во время сновидений подготовка работает не так эффективно, и, очевидно, в эти моменты что-то в моей голове и начи-

нало проверять ее защитный барьер на прочность.

Во сне я стоял на покрытом галькой берегу где-то на Санкции IV, глядя на безмятежную морскую гладь, когда ее поверхность вдруг начала набухать и вздыматься. Мои ноги словно приросли к месту, а перед глазами росли, двигались, перекачивались огромные горы воды, словно зловещие черные мускулы. Гулявшие по поверхности волны исчезли, поглощенные этим странным брожением. А во мне назревало понимание, в равных долях окрашенное в тона ледяного ужаса и щемящей печали. Безоговорочное знание. Из пучины восставало что-то чудовищное.

Но я проснулся прежде, чем оно успело подняться на поверхность.

Свело ногу, и я раздраженно сел. Сон плескался в глубине разума жидким осадком, и сознание пыталось найти ему рациональное обоснование.

Может быть, это было следствие поединка с «умными» минами. Я видел, как вздымалось море, когда под водой детонировали наши ракеты.

«Ага, как же. Невообразимо травматичный эпизод».

Мозг принялся быстро перебирать другие сцены, отложившиеся в памяти после недавних боев, пытаюсь подыскать соответствие. Я немедленно заставил себя прекратить это бессмысленное занятие. Полтора года грязной работы на «Клин Карреры» подарили мне столько травмирующих переживаний, что их не разгрести и целому взводу психопро-

рургов. Без пары ночных кошмаров не обойтись. Если бы не подготовка посланника, я бы, наверное, еще несколько месяцев назад сошел с ума. И предаваться боевым воспоминаниям сейчас не намеревался.

Я заставил себя снова откинуться назад и расслабиться. Утреннее солнце уже начинало потихоньку разогреваться, готовясь к полуденной субтропической жаре, и каменная поверхность была теплой на ощупь. Блики света пробивались сквозь полусомкнутые веки, словно я опять оказался на берегу озера в виртуальном формате для выздоравливающих. Я позволил себе забыться.

Потекли минуты.

Телефон тихонько загудел. Не открывая глаз, я сжал его, принял вызов... Отметил усилившуюся жару, тонкую пленку пота на ногах.

– Все готово, – сообщил голос Шнайдера. – Ты все еще торчишь на скале?

Я автоматически принял сидячее положение:

– Угу. Ты уже позвонил?

– Все чисто. Тот передатчик со скремблированным сигналом из военного резерва, что ты стащил? Отлично сработал. Все чисто как стеклышко. Нас ждут.

– Иду.

Осадок никуда не делся. Сон по-прежнему был со мной.

Что-то надвигается.

Я отодвинул эту мысль, сунул в карман телефон и начал

спускаться вниз.

* * *

Археология – наука неаккуратная.

Казалось бы, при всем технологическом прогрессе последних столетий мы должны были уже довести искусство разграбления могил до совершенства. Мы же в конце концов теперь научились обнаруживать следы марсианского присутствия в самых отдаленных уголках Вселенной. Спутниковое наблюдение и дистанционное зондирование позволили нам исследовать затерянные города, невзирая на метры твердой породы или километровые толщи воды. Располагая без малого полутысячелетним опытом, пора было уже хорошенько поднатореть в этом деле.

Но все дело в том, что, как бы мы ни умели обнаруживать археологические объекты, по обнаружении их по-прежнему предстоит извлекать на поверхность. И, несмотря на все финансы, вбуханные корпорациями в борьбу за первенство в разгадке марсианских тайн, процесс раскопок своей деликатностью не сильно превосходит вечеринку в борделе мадам Ми. Главное – это сенсационные открытия и большие дивиденды; ну и тот факт, что над душой не стоят – насколько мы знаем – марсиане с жалобами на экологический ущерб, тоже не улучшает ситуацию. Корпорации заявляют на планеты, оставленные прежними обитателями, сшиба-

ют, так сказать, с дверей замки и отступают в сторонку, пока Гильдия археологов обдирает эти миры как липку. А после того как основные разработки подходят к концу, наведением порядка, как правило, никто себя не утруждает.

В итоге мы имеем места вроде Участка 27.

Не самое изобретательное имя для города, но зато довольно точное. Участок 27 образовался при раскопе с одноименным названием, в течение пятидесяти лет служил спальней, кафетерием и центром досуга для археологических работников, а сейчас, когда слой ксенокультурной руды был окончательно выработан, стремительно приходил в упадок. К городу мы подлетали с востока. Сам раскоп протянулся поперек горизонта скелетом-сороконожкой, составленным из неподвижно замерших подъемных устройств и покосившихся опорных конструкций. Под свисающим хвостом этой сороконожки брал начало город, хаотично и бессистемно разрастаясь в разные стороны, словно чахлая бетонная грибная колония. Редко попадались на глаза здания выше пятиэтажных, а те, что попадались, выглядели явно заброшенными, будто все их силы ушли в рост, не оставив резерва на поддержание внутренней жизнеспособности.

Обогнув вымерший раскоп со стороны «черепа», Шнайдер выровнял шаттл и начал снижаться, нацеливаясь на кусок пустыря между трех накренившихся конусов, которые, по всей видимости, определяли границу летного поля Участка 27. Над феррокрытым покрытием, не блистающим чи-

стотой, взметнулись клубы пыли, обнажив неровные трещины. В коммуникаторе засипел дряхлый навигационный маяк, требуя идентификации. Проигнорировав его, Шнайдер заглушил основные двигатели и, зевая, выбрался из кресла.

– Всё, ребятки, приехали. Давайте на выход.

Мы прошли вслед за ним в главный отсек и стали наблюдать, как он пристегивает к поясу обреза, сделанный из металла частиц, который мы экспроприировали в комплекте с шаттлом. Подняв голову, Шнайдер наткнулся на мой взгляд и подмигнул.

– Я думала, это твои друзья, – судя по выражению лица, Вардани была встревожена.

Шнайдер пожал плечами.

– Были друзьями, – обронил он. – Но лишняя осторожность не помешает.

– Замечательно, – она повернулась ко мне. – У тебя для меня не найдется чего-нибудь полегче этой пушки? Такое, чтобы я смогла оторвать от земли.

Я распахнул куртку, демонстрируя пару нейроинтерфейсных «калашниковых» клиновской модификации.

– Я бы одолжил один, но у них персонализированный код доступа.

– Да бери бластер, Таня, – сказал Шнайдер, не отрываясь от приготовлений. – Хотя бы больше шансов в кого-нибудь попасть. Пулеплюжками пусть забавляются жертвы моды.

Археолог подняла бровь. Я чуть улыбнулся:

– Может, он и прав. Держи. К поясу пристегивать не обязательно. Ремни можно закрепить вот так. Перекинь через плечо.

Я шагнул вперед, чтобы помочь ей надеть оружие. Она повернулась ко мне, и в тесном пространстве между нашими телами проскочила искра чего-то, не поддающегося определению. Я закрепил кобуру под грудью Тани, она подняла голову, и наши взгляды встретились. Ее глаза были цвета нефрита под рябью текущей воды.

– Удобно?

– Не особенно.

Я протянул руку, чтобы поправить кобуру, но Вардани подняла ладонь, останавливая меня. На фоне пыльно-черной ткани моего рукава ее хрупкие, худые пальцы смотрелись как кости.

– Не надо, сойдет.

– Хорошо. Смотри, тянешь вниз – и оружие высвобождается. Поднимаешь – и кобура его опять фиксирует. Вот так.

– Ясно.

Возникшая между нами искра не ускользнула от внимания Шнайдера. Он громко прочистил горло и направился к люку. Распахнув его, он ухватился за поручень у носка крыла и прыгнул вниз с отточенной небрежностью бывалого пилота. Эффект слегка смазался, когда, приземлившись, он зашелся в кашле из-за облака пыли, так и не успевшей осесть после нашей посадки. Я подавил ухмылку.

Вслед за Шнайдером начала неловко опускаться Вардани, опираясь ладонями о пол. Я выглянул из проема и, сощурившись, стал всматриваться в пыльную пелену, стараясь разглядеть, не готовят ли нам встречу.

И да, оказалось, что готовили.

Они появились из пылевого облака, словно фигуры на фризе, который потихоньку расчищает кто-нибудь вроде Тани Вардани. Я насчитал семь массивных силуэтов, облаченных в пустынный камуфляж и ошестинившихся оружием. Центральная фигура казалась деформированной; возвышаясь над остальными на полметра, от пояса и выше она выглядела раздутой и изуродованной. Силуэты молча приближались.

Я скрестил на груди руки, так что пальцы коснулись рукоток «калашниковых».

– Джoko? – Шнайдер снова закашлялся. – Это ты, Джoko?

Ответом по-прежнему было молчание. Сквозь оседающую пыль я рассмотрел тусклый металлический блеск стволов и маски улучшенного зрения на лицах каждого из семей. Свободный покрой камуфляжа вполне оставлял место для бронежилета.

– Джoko, кончай херней страдать.

Огромная деформированная фигура в центре рассмеялась – удивительный, до неправдоподобности писклявый смех.

– Ян, Ян, дружище, – это был голос ребенка. – Неужто это

ты из-за меня так нервничаешь?

– Ну а ты как думал, мудачина?

Шнайдер шагнул вперед, и громадная фигура на моих глазах содрогнулась и, казалось, распалась надвое. Изумившись, я включил нейрохимическое зрение и различил маленького мальчика лет восьми, который слезал с рук мужчины, прижимавшего его к груди. После того как мальчик опустился на землю и побежал к Шнайдеру, мужчина выпрямился и странно застыл. Мои мускулы непроизвольно напряглись. Я еще немного подкрутил зрение и осмотрел ничем теперь не примечательную фигуру с головы до ног. На этом не было УЗ-маски, а его лицо...

Я стиснул зубы, осознав наконец, на что смотрю.

Шнайдер с мальчишкой обменивались замысловатыми рукопожатиями и загадочными репликами. В самом разгаре этого ритуала мальчик повернулся к Тане Вардани, с церемонным поклоном взял ее за руку, сопроводив приветствие каким-то пышным комплиментом, который я не расслышал. Он определенно не собирался прекращать паясничать, этот Джоко. Он прямо-таки искрился безобидностью, словно фонтан мишуры в День Харлана. А когда бóльшая часть пыли снова оказалась на положенном ей месте, остальные члены приветственной делегации тоже утратили тот смутно-угрожающий вид, каким отличались их силуэты. Теперь, когда я мог их видеть ясно, моим глазам предстала группа испуганных, преимущественно молодых солдат-нерегуляр-

щиков. Один, белый парень с тощей бородашкой, стоявший слева, грыз губу, что сильно контрастировало с бесстрастной непроницаемостью УЗ-маски. Другой переминался с ноги на ногу. Оружие было либо закинута за плечо, либо заткнуто за пояс. Когда я спрыгнул на землю, все они дружно отпрянули.

Я вскинул руки ладонями вперед, демонстрируя миролюбие:

– Прошу прощения.

– Нечего извиняться перед этим идиотом, – сказал Шнайдер, без особого успеха пытаясь отвесить мальчику подзатыльник. – Джок, иди поздоровайся с настоящим живым чрезвычайным посланником. Это Такеси Ковач. Он воевал при Инненине.

– Вот как? – мальчик подошел, протягивая мне руку. Темнокожая и тонкокостная, его оболочка уже сейчас отличалась привлекательностью – еще через несколько лет она приобретет настоящую андрогинную красоту. Она была одета в безупречно пошитый бледно-лиловый саронг и стеганую куртку того же цвета.

– Джок Роспиноджи, к вашим услугам. Приношу извинения за излишний драматизм, но в нынешние беспокойные времена осторожностью пренебрегать нельзя. Ваш звонок транслировался на спутниковой частоте, к которой имеет доступ только «Клин Карреры», а Ян, притом, что я люблю его как брата, никогда не мог похвастаться связями наверху. Это могло оказаться ловушкой.

– Передатчик со скремблированным сигналом из армейского резерва, – важно объяснил Шнайдер. – Украли его у «Клина». В этот раз, Джоко, если я говорю, что все схвачено, значит, так оно и есть.

– А кто может попытаться подстроить вам ловушку? – поинтересовался я.

– Ох, – во вздохе мальчика слышалась бесконечная усталость на несколько десятков лет старше его внешнего вида. – Никогда не угадаешь. Правительственные агентства, Картель, корпоративные силовые аналитики, кемпистские шпионы. Ни у кого из них нет причин любить Джоко Роспиноджи. Политика нейтралитета во время войны, вопреки ожиданиям, не страшует от появления врагов. Скорее, приводит к потере друзей и служит источником подозрений и презрения со всех сторон.

– Так далеко на юг война еще не зашла, – заметила Вардани.

Джоко Роспиноджи с серьезным видом прижал к груди руку:

– За что мы все бесконечно признательны. Но в наше время если ты не стоишь на передовой, то, значит, находишься под оккупацией того или иного сорта. Лэндфолл в каких-то восьмистах километрах к западу. Мы достаточно близко, чтобы считаться периметром обороны, что влечет за собой присутствие гарнизона правительственного ополчения и периодические визиты политинспекторов из Карте-

ля, — он снова вздохнул. — Все это обходится *очень* дорого.

Я бросил на него подозрительный взгляд:

— Гарнизон? Где?

— А вон, — мальчик ткнул большим пальцем в сторону жалкой кучки нерегулярщиков. — А, ну еще сколько-то осталось в бункере связи, согласно предписаниям, но в принципе то, что стоит перед вами, и есть гарнизон.

— *Это* правительственное ополчение? — спросила Таня Вардани.

— Оно самое, — Роспиноджи недолго рассматривал их с печальным взглядом, затем снова повернулся к нам. — Конечно, когда я говорил о дороговизне, я в основном имел в виду расходы на то, чтобы визиты политинспектора проходили в приятной обстановке. Приятной для него и для нас. Инспектор не отличается большой утонченностью, но, кхм, аппетиты у него внушительные. Ну и, разумеется, нам необходима уверенность, что он остается *нашим* инспектором, а это подразумевает дополнительные затраты. Инспекторы, как правило, сменяются раз в несколько месяцев.

— Он сейчас здесь?

— Если бы был здесь, я бы вряд ли вас сюда пригласил. Он отбыл на прошлой неделе, — плотоядная улыбка смотрелась жутковато на таком юном лице. — Удовлетворенный, так сказать, результатами своего посещения.

Я и сам улыбнулся. Не мог удержаться.

— Похоже, мы обратились по адресу.

– Ну, это будет зависеть от того, за чем вы решили обратиться, – сказал Роспиноджи, покосившись на Шнайдера. – Ян выражался весьма туманно. Но пойдемте же. Даже в Участке 27 для обсуждения дел найдутся местечки поуютней.

Мы зашагали за ним. Приблизившись к ожидавшему отряду ополчения, он резко щелкнул языком. Тот, кто его сюда доставил, неловко наклонился и снова поднял его на руки. Я услышал, как у шедшей за мной Тани Вардани на секунду перехватило дыхание, когда она увидела, что представлял собой этот мужчина.

Это, безусловно, не самое худшее из того, что может произойти с человеческим существом, я видел вещи и пострашнее – если уж на то пошло, я видел вещи пострашнее совсем недавно; тем не менее вид развороченной головы, зацементированной серебристым композитом, производил зловещее впечатление. Если бы спросили меня, я бы сказал, что эта оболочка стала жертвой шрапнели. После любого выстрела из оружия направленного действия просто нечего было бы восстанавливать. А так кто-то где-то взял на себя труд скрепить череп, залить прорехи полимерной смолой, а на место глаз вставить фоторецепторы, которые теперь сидели в провалах, словно пара серебряных пауков-циклопов, поджидающих добычу. После чего, судя по всему, ствол головного мозга частично реанимировали, так, чтобы он мог поддерживать деятельность вегетативной системы и базовую двига-

тельную активность, а также, возможно, выполнять несколько запрограммированных команд.

Давно, задолго до того, как меня подстрелили у Предела, со мной служил сержант, чья афро-карибская оболочка действительно была его собственным телом. Как-то ночью, когда мы пережидали спутниковую бомбардировку в руинах какого-то храма, он пересказал мне миф, который его предки, брошенные в оковах в трюмы кораблей, некогда перевезли через земной океан, а позже, ведомые надеждой на новое начало, через бескрайние просторы марсианских астронавигационных карт – в мир, позже получивший имя Латимер. Это была история о том, как колдуны создавали для себя рабов, оживляя тела мертвых. Я забыл, как капрал называл таких существ, но уверен, что он причислил бы к ним то создание, на руках которого восседал Джоко Роспиноджи.

– Нравится? – мальчишка, пристроившийся в неприятной близости к изувеченной голове, наблюдал за мной.

– Не особенно.

– Ну, с точки зрения эстетики, конечно... – Мальчик деликатно замолчал. – Но если подбинтовать в нужных местах и подобрать мне подходящие лохмотья, из нас получится поистине жалостное зрелище. Калека и невинное дитя выбираются из-под обломков разрушенных жизней – идеальный камуфляж для критических ситуаций.

– Все тот же старина Джоко, – Шнайдер подошел к нам и ткнул меня в бок. – Как я тебе и говорил. Все просчитывает

наперед.

Я пожал плечами:

– Я знал слухи, когда колонны беженцев расстреливали просто для того, чтобы попрактиковаться в стрельбе по движущимся мишеням.

– О, об этом мне известно. Этот вот наш дружок был тактическим морпехом вплоть до своей печальной кончины. На его подкорке – или где там они хранятся – осталось немало неизжитых рефлексов, – мальчик подмигнул мне. – Я бизнесмен, а не технарь. Я подрядил софтверную компанию в Лэндфолле сделать из его остатков нечто пригодное к употреблению. Смотрите.

Рука парня нырнула в карман куртки, и мертвец вытащил из чехла за спиной длинноствольный бластер. Произошло это чрезвычайно быстро. Зажужжали фоторецепторы, сканируя пространство слева направо. Роспиноджи широко ухмыльнулся и вынул из кармана руку с зажатым в ней пультом управления. Большой палец мальчика шевельнулся, и бластер аккуратно вернулся в чехол. Рука, державшая Роспиноджи, даже не шелохнулась.

– Таким образом, – весело прощелбетал тот, – если не получится сыграть на жалости, мы всегда можем избрать более прямолинейные варианты. Но вообще я настроен оптимистично. Удивительно, но даже в наше непростое время найдется не так уж много солдат, которым не составит труда выстрелить в ребенка. Ну да хватит разговоров: не пора ли нам

подкрепиться?

Роспиноджи занимал верхний этаж и пентхаус обшарпанного офисного здания в двух шагах от «хвоста» раскопа. Оставив сопровождение ополченцев снаружи, за исключением двоих, мы двинулись сквозь прохладный полумрак к грузовому лифту, расположенному в углу. Ходячий мертвец отодвинул рукой решетку двери. Ее грохот раскатился эхом по пустым помещениям над нашими головами.

– Помнится, – сказал мальчик, когда лифт поехал вверх, – когда-то все здесь было завалено археологическими находками первой категории, упакованными и готовыми к отправке в Лэндфолл. Кладовщики пахали круглыми сутками, по-сменному. Работы на раскопе не прекращались ни на миг, их шум не затихал ни днем ни ночью. Как биение сердца.

– Вы тоже этим занимались? – спросила Вардани. – Складированием археологических находок?

В полутьме я увидел, как по губам Шнайдера скользнула улыбка.

– Когда был помоложе, – ответил Роспиноджи, подтрунивая сам над собой. – Но я действовал в более... скажем так, организаторском качестве.

Лифт прошел сквозь потолок склада и с лязгом остановился. Мы очутились в неожиданно ярко освещенном помещении, отделенном от остальной площади этажа перегородками янтарного цвета. Солнечный свет сочился в окна сквозь тканевые шторы. Своя лифтовую решетку я увидел

пестрые узорчатые ковры, паркет из черного дерева и длинные низкие диваны, расставленные вокруг того, что я поначалу принял за небольшой бассейн с внутренней подсветкой. Войдя внутрь, я осознал, что углубление в полу содержит не воду, а широкий горизонтальный экран, на котором открывала рот поющая женщина. В двух углах комнаты то же изображение воспроизводилось уже в более удобном для просмотра формате на вертикально установленных друг над другом экранах размером пос скромнее. У дальней стены располагался длинный стол, уставленный едой и напитками, которых хватило бы на целый взвод.

– Устраивайтесь, – сказал Роспиноджи, направляясь со своим мертвецом-телохранителем к арке дверного проема. – Я на минуту. Еда и напитки вон там. А, да, звук, если нужен.

Динамики неожиданно ожили, и я сразу узнал песню Лапине – правда, не ее дебютный кавер хитовой джанк-сальсы «Открытое пространство», который наделал столько шума в прошлом году. Композиция, которую она исполняла сейчас, была медленней, с отдельными вкраплениями практически предоргазменных стонов. На экране Лапине висела вниз головой, обхватив ногами ствол танка-паука, и томно мурлыкала, глядя в камеру. Вербовочный гимн, судя по всему.

Шнайдер прошагал к столу и принялся наваливать на тарелку всё подряд, не пропуская ни единого блюда. Я проследил глазами, как ополченцы встали на пост около лифта, пожал плечами и присоединился к Шнайдеру. Таня Вардани

последовала было за нами, но внезапно изменила курс и подошла к одному из зашторенных окон. Ее тонкая рука потянулась к вытканым на материи узорам.

– Я же говорил, – бросил мне Шнайдер. – Если в этой части планеты кто-то и может подключить нас к системе, то это Джоко. Он поддерживает связь со всеми деловыми Лэндфолла.

– Ты хочешь сказать, поддерживал до войны?

Шнайдер покачал головой:

– И до, и во время. Ты же слышал, что он рассказывал насчет политинспектора. Такую штуку он точно не смог бы повернуть, если бы не был в системе.

– Если он до сих пор в системе, – спросил я терпеливо, по-прежнему глядя на Вардани, – что ж застрял в этой дыре?

– Может, ему тут нравится. Он здесь вырос. Да и вообще, ты в Лэндфолле-то бывал? Вот уж где настоящая дыра.

Лапине исчезла с экрана, и взамен пошло что-то документальное на тему археологии. Мы со своими тарелками устроились на одном из диванов. Шнайдер уже приготовился было приступить к еде, когда вдруг заметил, что я с этим не спешу.

– Давай-ка подождем, – произнес я негромко. – Чисто из вежливости.

Он фыркнул:

– Что, думаешь, он нас *отравить* собрался? С чего бы? Какой в этом смысл?

Но тарелку отставил.

Изображение на экране снова сменилось, на этот раз кадрами военной хроники. Праздничные вспышки лазерного огня на какой-то темной равнине и карнавальная иллюминация разрывающихся реактивных снарядов. Звук отредактировали, наложив на гром отдаленных раскатов бесстрастный голос комментатора, начитывающего текст, составленный в максимально безобидных выражениях. «Сопутствующий ущерб», «противник нейтрализован».

Джоко Роспиноджи вынырнул из дверного проема в противоположной стене. Он был уже без куртки, зато с двумя женщинами, выглядевшими так, словно они материализовались из софта для виртуального борделя. Их задрапированные в муслин фигуры с не поддающимися законам гравитации формами были так же ненатурально безупречны, а выражения лиц так же безучастны. Восьмилетка Роспиноджи, стоящий между этими двумя лакомыми кусочками, смотрелся комично.

– Иванна и Кэс, – представил он спутниц. – Мои постоянные компаньонки. Любому мальчику нужна мамочка, правда же? Или две. Ну а теперь... – он неожиданно громко щелкнул пальцами, и женщины прошествовали в другой конец комнаты, к накрытому столу.

Джоко сел на соседний с нами диван:

– ...к делу. Чем конкретно я могу быть полезен тебе и твоим друзьям, Ян?

– А вы перекусить не хотите? – спросил я.

– А, – Роспиноджи улыбнулся и указал на своих компаньонов. – Ну, вот они будут, а я искренне привязан к обеим. На лице Шнайдера проступило смущение.

– Что, нет? – Роспиноджи вздохнул и протянул руку к моей тарелке. Взяв первую попавшуюся булочку, он откусил от нее кусок. – Ну вот. Теперь-то мы можем перейти к делу? Ян? Пожалуйста?

– Мы хотим продать тебе шаттл, Джоко, – проговорил Шнайдер, вгрызаясь в куриную ногу. – С бешеной скидкой.

– Неужели?

– Угу. Считай, что он из армейского резерва. «Бу Моррисон ISN-70», очень малый износ, никакой официальной информации о прежних владельцах.

Роспиноджи улыбнулся:

– Сильно в этом сомневаюсь.

– Проверь, если хочешь, – Шнайдер проглотил прожеванный кусок. – База данных подчищена лучше, чем твои налоговые декларации. Дальность полета шестьсот тысяч километров. Универсальная конфигурация, полет в дальнем космосе, суборбитальный полет, передвижение под водой. Послушен в управлении, как бордельная подстилка.

– Да, я припоминаю, что семидесятки – неплохие машины. Или это ты же мне и говорил, Ян? – мальчик погладил свой лишенный растительности подбородок жестом, явно перешедшим по наследству от предыдущей оболочки. –

Ну, да не важно. Орудиями, я так полагаю, предмет этой сногшибательной сделки оснащен?

Шнайдер кивнул, не прекращая жевать:

– Микроракетная турель на носу. Плюс система запуска хлопушек. Полный программный пакет автоматизированной защиты, очень достойная версия.

Я подавился булочкой.

Женщины проплыли к дивану, где сидел Роспиноджи, и симметрично расположились по бокам от него, словно эффектное обрамление. С момента их появления я не слышал от них не только ни слова, но даже ни звука. Женщина слева от Роспиноджи начала кормить его со своей тарелки. Привалившись к женщине, он принялся жевать, задумчиво глядя на меня.

– Ну хорошо, – произнес он наконец. – Шесть миллионов.

– Ооновских? – спросил Шнайдер, и Роспиноджи рассмеялся:

– Санов. Шесть миллионов санов.

Стандартная Археологическая Находка, денежная единица, учрежденная в ту пору, когда правительство Санкции представляло собой лишь мелкую шестеренку глобального административного механизма, а в настоящее время – непопулярная мировая валюта. По сравнению с латимерским франком, сан напоминал болотную пантеру, карабкающуюся по грузовому пандусу с антифрикционным покрытием. Сейчас один доллар Протектората (ООН) стоит двести тридцать

санов.

Шнайдер пришел в ужас, возмущенный до глубины своей скупердяйской души:

– Ты издеваешься, что ли, Джоко? Даже шесть миллионов ооновских – только половина его настоящей цены. Это же «Бу Моррисон», чувак.

– А криокапсулы в нем есть?

– Э-э-э... нет.

– Ну и на кой хер он мне тогда сдался, Ян? – спросил Роспиноджи спокойно. Он бросил взгляд на женщину справа, и та безмолвно протянула ему бокал вина.

– Видишь ли, сейчас единственное, ради чего кому-то, кроме военных, может понадобиться космический корабль, – это вылететь отсюда, прорваться сквозь блокаду и вернуться на Латимер. Я понимаю, что заявленные шестьсот тысяч километров дальности полета для умелого пилота не предел и что навигационные системы у «Бу Моррисонов» пристойные, я в курсе; но при скоростях, которые можно выжать из «ISN-70», притом левой комплектации, все равно понадобится в лучшем случае тридцать лет, чтобы добраться до Латимера. Для этого нужны криокапсулы, – он поднял руку, останавливая протесты Шнайдера. – И я не знаю никого, буквально никого, кто мог бы их достать. Ни за баб, ни за бабки. Лэндфоллский Картель понимает, что к чему, Ян, и все ходы и выходы перекрыл наглухо. Никто не выберется отсюда живым – по крайней мере, до конца войны. Вот и

весь сказ.

– Можно без проблем продать его кемпистам, – заметил я. – Военная техника им нужна как воздух; они заплатят.

Роспиноджи кивнул:

– Да, мистер Ковач, они заплатят, и заплатят они в санах. Потому что ничего другого у них нет. Ваши «клиновские» дружки об этом позаботились.

– Они мне не дружки. Я просто ношу их форму.

– Однако же она хорошо на вас сидит.

Я пожал плечами.

– Как насчет десяти? – с надеждой спросил Шнайдер. – Кемписты платят впятеро больше за восстановленные суб-орбитальники.

Роспиноджи вздохнул:

– Ну да, а тем временем мне придется его где-то прятать и давать на лапу тем, кто его обнаружит. Это же тебе не скутер-внедорожник. Кроме того, придется устанавливать контакт с кемпистами, что, как ты, возможно, знаешь, в наши дни карается принудительным стиранием. Надо будет устраивать секретную встречу – причем брать с собой вооруженную охрану на случай, если эти горе-революционеры вздумают реквизировать товар, вместо того чтобы раскошелиться. Как они, скорее всего, и поступят, если прийти безоружным. Оцени организационные расходы, Ян. Я тебе услугу оказываю, помогая сбыть его с рук. К кому еще ты с ним пойдешь?

– Восемь...

– Шесть нас устроит, – вклинился я. – И мы благодарны за услугу. Но как насчет того, чтобы подсластить сделку, подбросив нас в Лэндфолл и снабдив кое-какой бесплатной информацией? Просто в качестве дружеского одолжения.

Взгляд мальчика стал острым, переместился на Таню Вардани.

– Бесплатной информацией, значит? – он комически подергал бровями. – Такой, знаете ли, не существует в природе. Но разве что в качестве дружеского одолжения. Что вы хотите знать?

– Лэндфолл, – сказал я. – Кто там самая шустрая рыба-бритва за пределами Картеля? Я имею в виду корпорации второй, возможно, даже третьей величины. Какая новая звезда собирается вспыхнуть на горизонте ближайшего будущего?

Роспиноджи задумчиво отхлебнул вина:

– Хм-м. Рыбы-бритвы. Не думаю, что у нас на Санкции IV они водятся. Да и на Латимере, если уж на то пошло.

– Я с планеты Харлан.

– Ах вот как. Но не из куэллистов, я так полагаю, – он кивнул на форму «Клина». – Принимая во внимание вашу нынешнюю политическую позицию, я имею в виду.

– Не стоит слишком уж упрощать куэллизм. Кемп постоянно цитирует Куэлл, но, как большинство людей, он избирателен.

– Ну, мне трудно судить, – Роспиноджи поднял ладонь, останавливая наложницу, протягивавшую ему очередной кусок. – Касательно бритв. По моим прикидкам, их найдется максимум штук шесть. Из тех, кто прибыл в последних рядах, в основном с Латимера. Межпланетники начали подпускать к кормушке местных конкурентов лишь лет двадцать назад. К тому времени, разумеется, у них уже были в кармане и Картель, и правительство. На долю остальных пришлось жалкие крохи. Большинство игроков третьего эшелона уже готовятся разъезжаться по домам; война им попросту не по карману, – он огладил несуществующую бороду. – Что касается второго эшелона... Пожалуй, «Сатакарн Ю ассошиэйтс», «РKN», «Мандрейк корпорейшн». Все они довольно плотоядны. Возможно, смогу нарыть еще парочку. Вы планируете что-то им предложить?

Я кивнул:

– Косвенным образом.

– Ну что ж, в таком случае присовокуплю к бесплатной информации бесплатный совет. Скармливайте им свое подношение на длинной палке, – отсалютовав мне бокалом, Роспиноджи осушил его и дружелюбно улыбнулся. – Потому что, если вы этого не сделаете, они отхватят вам руку по локоть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как у многих других городов, обязанных своим существованием наличию космопорта, у Лэндфолла не было центра как такового. Вместо этого город беспорядочно расплылся по полупустынной равнине в южном полушарии, там, где столетие назад приземлились первые колонизационные баржи. Каждая корпорация, имевшая долю в освоении планеты, просто строила в произвольном месте равнины свое собственное летное поле, окружая его кольцом служебных строений. Со временем эти кольца расширились, пересеклись друг с другом и в конце концов слились, образовав лабиринтообразную, лишенную центра конурбацию с самыми зачаточными следами общего городского планирования, призванного увязать их воедино. Прибыла вторая волна инвесторов, которые начали арендовать или покупать землю у первой волны, обустроявая себе ниши как на финансовом рынке, так и в быстро разрастающейся метрополии. Тем временем в других местах планеты уже возникали новые города, но пункт Устава о карантине экспортируемых товаров гарантировал, что все доходы археологической индустрии Санкции IV в какой-то момент непременно должны проходить через Лэндфолл. Отъездившись на неограниченной диете, включавшей экспорт археологических находок, распределение земельных участков и выдачу лицензий на раскопки, бывший

космопорт разбух до чудовищных размеров. Сейчас он занимал две трети равнины, а его двенадцать миллионов жителей составляли почти тридцать процентов того, что осталось от общего населения Санкции IV.

Это была преисподняя.

Мы со Шнайдером шагали по грязным улицам, засыпанным мусором и красноватым песком. Воздух был сухим и горячим, а тени от зданий не хватало для того, чтобы укрыться от стоящего высоко над горизонтом солнца. Я чувствовал, как по лицу течет пот, а мокрые волосы липнут к шее. В окнах и зеркальных фасадах, бок о бок с нами шествовали наши двойники в черных униформах. Я был почти что рад их компании. Кроме них, вокруг не было ни души, и мерцающая неподвижность застывшего в полуденном зное города действовала мне на нервы. Под ногами отчетливо хрустел песок.

Найти нужное место не составило труда. Башня возвышалась в конце квартала, словно отполированная бронзовая боевая рубка, вдвое превосходящая высотой окружающие здания и абсолютно безлика внешне. Как у большинства архитектурных сооружений Лэндфолла, у нее был зеркальный фасад, и отраженный солнечный свет не давал смотреть на него прямо. Это была не самая большая высотка в Лэндфолле, но в ней чувствовалась стихийная мощь, пульсация которой распространялась на все близлежащие объекты и позволяла составить неплохое представление о ее создателях.

«Проверка человеческого тела на прочность».

Фраза вывалилась из моей памяти, точно спрятанный труп из шкафа.

– Как близко ты хочешь подойти? – нервно спросил Шнайдер.

– Чуть ближе.

Оболочка от «Хумало», как все спецмодификации, разработанные для «Клина Карреры», снабжена стандартным дисплеем для вывода спутниковых геолокационных данных, довольно удобным в использовании, если не засирать его заглушками и антизаглушками, которыми забиты практически все частоты на Санкции IV. Я моргнул, наводя резкость, и всю левую часть поля зрения заняла сетка перекрестков и кварталов. На одной из улиц монотонно мерцали две точки.

«Проверка человеческого...»

Я слегка подкрутил масштаб, и изображение принялось с головокружительной скоростью увеличиваться, пока я не обнаружил, что рассматриваю собственную макушку с высоты многоэтажного здания.

– Черт.

– Что? – Шнайдер напрягся, застыв, как ему явно казалось, в боевой стойке ниндзя. Его закрытое солнечными очками лицо приняло комически встревоженное выражение.

«Проверка...»

– Ничего, – я уменьшил изображение, и на краю дисплея вновь показалась башня. Кратчайший путь услужливо

высветился желтым, предлагая пересечь два перекрестка. — Нам сюда.

«Проверка человеческого тела на прочность — лишь одно из передовых направлений...»

По желтой линии через пару минут мы вышли к узкому подвесному мосту, перекинутому через высохший канал. Двадцатиметровый мост плавно уходил вверх, упираясь противоположным концом в бетонный выступ. По обе стороны от моста параллельно располагались еще два. Дно канала покрывал обычный городской мусор: выброшенная бытовая техника с торчащими из потрескавшихся корпусов проводами, пустые упаковки из-под еды, скомканная, выцветшая на солнце одежда, напоминающая безжизненные тела, искромсанные пулеметным огнем. Надо всем этим, по другую сторону свалки, нас поджидала башня.

«Проверка человеческого...»

Шнайдер топтался перед мостом:

— Ты идешь?

— Угу, и ты тоже. Мы же партнеры как-никак, — я слегка подтолкнул его в спину и двинулся вперед, наступая ему на пятки, так что ему волей-неволей тоже пришлось перебирать ногами. Подготовка посланника пыталась совладать с неслабыми дозами гормонов, которые выбросила моя оболочка, приводя меня в боевую готовность; и на этом фоне мое настроение становилось все более приподнятым, на слегка истерический лад.

– Мне просто не кажется, что...

– Если что-то пойдет не так, вали все на меня, – я подтолкнул его снова. – Давай, давай.

– Если что-то пойдет не так, мы покойники, – пробормотал он угрюмо.

– Ага, как минимум.

Пока мы шли вперед, Шнайдер так цеплялся за перила, словно мост сотрясали яростные порывы ветра.

С противоположной стороны выступ оказался краем ничем не примечательной пятидесятиметровой площади. Мы остановились, созерцая бесстрастную громаду башни. Намеренно или нет, но эта бетонная площадка, окаймлявшая здание, представляла собой прекрасное стрельбище. Нигде в поле зрения не наблюдалось ни единого укрытия, а единственными путями отступления были либо узкий, идеально простреливаемый мост, либо головоломный прыжок на дно высохшего канала.

«Со всех сторон открыты, и карты наши биты», – тихонько пропел Шнайдер, повторяя мелодию и слова кемпистского революционного гимна. Я не мог его винить. С момента как мы очутились в свободном от глушилок радиоэфире города, я и сам пару раз ловил себя на том, что мычу это сраное «Открытое пространство»; версия Лапине неслась отовсюду, достаточно близкая к кемпистскому оригиналу, чтобы воскресить воспоминания годичной давности. Тогда оригинал раздавался на пропагандистских каналах повстанцев каждый

раз, когда правительственные глушилки делали перерыв. В гимне шла речь об истории – по всей очевидности, назидательной – обреченного на смерть взвода добровольцев, удерживающих позицию под натиском преобладающих сил противника во имя любви к Джошуа Кемпу и революции. Исполнялось это дело на мотив привязчивой джанк-сальсы, которая намертво застревала в голове. Почти все мои люди на Северном пределе могли спеть ее от начала до конца – что они часто и делали, к ярости политофицеров Картеля, которые испытывали слишком сильный страх перед формами «Клина» и не осмеливались хоть что-то предпринять по этому поводу.

Действие мелодии оказалось столь вкрадчиво-ядовитым, что даже наиболее прокорпоративно настроенные граждане не могли не мычать ее себе под нос. Этот факт плюс сеть информаторов Картеля, работавших за комиссию, привел к тому, что пенитенциарные учреждения по всей Санкции IV вскоре лопались по швам от музыкально одаренных политзаключенных. Учитывая возросшие сложности в поддержании порядка, было принято решение нанять дорогостоящую консалтинговую команду, которая быстро разродилась новой, перелицованной версией текста, и ее положили на оригинальную мелодию. Певицу-конструкт Лапине разработали и запустили именно для того, чтобы презентовать хит о мальчике, который осиротел во время предательской атаки кемпистов, но был усыновлен добрым корпоративным бло-

ком, вырос и полностью реализовал свой потенциал, став топ-менеджером планетарного уровня.

Этой балладе недоставало военной романтики оригинала, но, так как некоторые места кемпистского текста были умышленно продублированы, люди, как правило, не отличали разные версии друг от друга и напевали гибрид, слепленный из обрывков обеих и нанизанный на мотивчик сальсы. В таких куплетах любой революционный подтекст сходил на нет. Консалтинговая команда получила премию, а также отчисления с доходов Лапине, которую крутили сейчас по всем государственным каналам. В ближайшем будущем планировался выход альбома.

Шнайдер прекратил напевать:

– Как думаешь, у них тут все схвачено?

– Полагаю, да.

Я кивнул на башню, в сторону отполированных дверей метров в пять высотой. По обе стороны этого внушительного портала находились произведения абстрактного искусства, каждое из которых заслуживало названия «Симметрия сталкивающихся яиц» или – я увеличил кратность нейрохимического зрения, чтобы убедиться наверняка, – «Избыточная огневая мощь в боевой полуготовности».

Шнайдер проследил направление моего взгляда:

– Автотурели?

Я кивнул:

– Две автоматических пушки и, по крайней мере, четы-

ре лучевых орудия, насколько я могу разглядеть отсюда. Оформление сделано с большим вкусом. Среди скульптур и не заметишь.

В каком-то смысле это был хороший знак.

За те две недели, что мы успели провести в Лэндфолле, я не заметил на улицах ни единого признака войны, кроме чуть большего, чем обычно, числа людей в униформах по вечерам да наростов в виде автотурелей быстрого реагирования кое-где на высотных зданиях. Сплошь и рядом могло показаться, что вся заваруха происходит на какой-то другой планете. По крайней мере «Мандрейк корпорейшн» выглядела готовой ко встрече с Джошуа Кемпом в случае, если ему удастся дойти до столицы.

Проверка человеческого тела на прочность – лишь одно из передовых направлений, являющихся на сегодняшний день ключевыми в исследовательских программах «Мандрейк корпорейшн». Наша конечная цель – достижение максимальной утилитарности всех ресурсов.

«Мандрейк» приобрела этот участок десять лет назад. Тот факт, что они строили здание, закладываясь на вооруженное восстание как возможный вариант развития событий, говорил о стратегическом расчете гораздо более дальнего прицела, чем у любого другого конкурента. Корпоративным логотипом «Мандрейк» являлся фрагмент спирали ДНК на фоне микросхем; пресс-релизы агрессивно вопили о «больших дивидендах» и «радикально новом подходе». Финансовые

дела компании с началом войны резко пошли в гору.

Подходяще.

– Как думаешь, они на нас сейчас смотрят?

Я пожал плечами:

– Всегда кто-нибудь да смотрит. Так устроена жизнь. Вопрос в том, обращают ли они на нас внимание?

Шнайдер раздраженно поморщился:

– Ладно, в таком случае как думаешь, *обратили* они на нас внимание?

– Сомневаюсь. Вряд ли у автоматических систем такие настройки. Война идет слишком далеко отсюда. На нас форма дружественных войск, а комендантский час начинается только в десять. Мы ничего необычного из себя не представляем.

– Пока что.

– Пока что, – согласился я, отворачиваясь. – Ну что ж, пошли обращать на себя внимание.

Мы зашагали по мосту в обратную сторону.

* * *

– Вы не похожи на творческих личностей, – заметил промоутер, загружая последний из наших файлов. Мы пришли в гражданской одежде, купленной утром взамен униформы, нам вынесли оценку прямо на пороге, и, похоже, она была явно невысока.

– Мы охрана, – сообщил я любезно. – Это она вот твор-

ческая личность.

Его взгляд скользнул к сидящей напротив Тане Вардани, прячущейся за темными очками и непроницаемым молчанием. За последнюю пару недель ее формы уже начали потихоньку округляться, но под длинным черным плащом этого было не увидеть, а лицо ее по-прежнему оставалось исхудавшим. Промоутер хмыкнул, явно удовлетворенный увиденным.

– Ну, – он развернул на весь экран индикатор трафика и какое-то время изучал его. – Не знаю, что у вас там за продукт, но хочу заметить, что у вас будет предостаточно конкурентов, имеющих финансовую поддержку государства.

– Что, вроде Лапине?

Насмешка в голосе Шнайдера была бы слышна и на межгалактических расстояниях. Промоутер пригладил свою треугольную, в подражание армейской моде бородку, откинулся в кресле и уперся ботинком в военном стиле о край стола. У основания бритого черепа красовались три или четыре разъема с боевым софтом быстрой загрузки, слишком блестящие, чтобы не быть дизайнерскими копиями.

– Не стоит смеяться над мейджорами, друг мой, – бросил он небрежно. – Имей я хоть два процента с проекта Лапине, сейчас жил-поживал бы в Латимер-сити. Знаете самый лучший способ в военное время держать искусство на коротком поводке? Скупить его на корню. Корпорации прекрасно об этом знают. У них есть технические возможности, чтобы

торговать искусством по-крупному, и влияние, чтобы задушить конкурентов цензурой. Так что, – он постучал пальцем по экрану, на котором маленькой фиолетовой торпедой светился наш пакет файлов, словно торпеда, ждущая запуска, – что бы у вас там ни было, оно должно быть прямо-таки охеренно чумовым, чтобы проплыть против такого сильного течения.

– Вы всех клиентов так обнадеживаете? – спросил я.

Он мрачно улыбнулся:

– Я реалист. Вы платите, я ваше добро проталкиваю. Для того чтобы доставить его по назначению в целости и сохранности, к вашим услугам лучший софт для обхода ограничения доступа, который только есть на Лэндфолле. Как и заявлено на вывеске: «Мы сделаем вас заметным». Но не ждите, чтобы я вас при этом еще и обхаживал, это в набор услуг не входит. Там, куда вы хотите впрыснуть эту свою штуку, происходит слишком много всякого-разного, чтобы испытывать оптимизм по поводу ваших шансов.

В раскрытые окна третьего этажа вливался уличный шум. Воздух снаружи стал прохладней с приближением вечера, но в кабинете промоутера по-прежнему стояла духота. Таня Вардани нетерпеливо поерзала.

– Это нишевая вещь, – проскрежетала она. – Может, уже начнем?

– Да, конечно, – промоутер еще раз бегло взглянул на экран, где виднелись четкие зеленые цифры суммы, которую

нам предстояло заплатить. – Ну что ж, пристегните ремни. Вашим кредитам предстоит стремительный полет.

Он нажал на кнопку. Экран тронула легкая рябь, и лиловая торпеда исчезла. Рассыпавшись спиралевидными завитками, она растаяла за стеной корпоративной системы защиты данных, где ее след затерялся даже для хваленного софта промоутера. Зеленые цифры счетчика бешено закрутились, превратившись в одни сплошные размытые восьмерки.

– Ну я же говорил, – промоутер осуждающе покачал головой. – Системы ограничения доступа аналогичного уровня стоили бы им годовых прибылей за одну только установку. Но экономия дорого обходится, друзья мои.

– Оно и видно, – заметил я, глядя, как тают, будто неэкранированный сердечник из антиматерии, наши кредиты, и подавил неожиданно возникшее желание вырвать промоутеру горло голыми руками. Не то чтобы дело было в деньгах – их хватало. Возможно, за шаттл «Бу-Моррисон» шести миллионов санов было мало, но в Лэндфолле на них мы могли жить по-королевски.

Дело было не в деньгах.

Дело было в дизайнерских псевдovoенных безделушках и ленивых рассуждениях о том, что делать с искусством военного времени, во всей этой напускной пресыщенности в стиле «плавали-знаем», тогда как мужчины и женщины по другую сторону экватора рвали друг друга на части ради незначительных изменений в системе, обеспечивавшей сы-

тую жизнь Лэндфолла.

– Готово, – руки промоутера отбили на консоли короткую барабанную дробь. – Насколько я могу судить, отбыло по назначению. Пора отбывать и вам, девочки и мальчики.

– Насколько ты можешь судить? – повторил Шнайдер. – Это что еще за херня?

Ответом ему была еще одна мрачная улыбка:

– Так. Вы контракт-то прочитайте. Выполняем ваш заказ наилучшим возможным образом. Ну так вот это и есть наилучший возможный образ на Санкции IV. Вы покупали последнее слово техники, а не гарантии.

Он вытащил из машины наш выпотрошенный кредитный чип и перебросил через стол Тане Вардани, которая невозмутимо положила чип в карман.

– Ну и сколько нам ждать? – спросила она, зевая.

– А я что, ясновидящий? – промоутер вздохнул. – Ответ может быть через пару дней, может, через месяц. Может, никогда. Все зависит от вашей демки, а ее я не видел. Я всего-навсего почтальон. Идите домой, ждите почты.

Наше отбытие сопровождалось тем же напускным отсутствием интереса, что прием и обслуживание. Оказавшись снаружи и окунувшись в вечерние сумерки, мы свернули налево, перешли на другую сторону улицы и поднялись на террасу кафе. Кричащая головывеска промоутерской конторы оказалась прямо перед нами, метров на двадцать ниже. На носу был комендантский час, и кафе уже практически опу-

стело. Мы сбросили сумки под стол и заказали кофе ристрето.

– Сколько ждать? – снова спросила Вардани.

– Минут тридцать, – я пожал плечами. – Зависит от их ИИ. Самое большее сорок пять.

Они прибыли прежде, чем я успел допить кофе.

Это был непримечательный фургон коричневого цвета, неуклюжий и маломощный с виду, но опытному взгляду было очевидно, что он бронированный. Фургон обогнул угол, проскользил метров сто по улице и медленно подполз к зданию, где находился офис промоутера.

– Ну вот и пожаловали, – пробормотал я, чувствуя, как растеклась по венам нейрохимия «Хумало». – Ждите здесь оба.

Я неторопливо поднялся и пересек улицу, засунув руки в карманы и склонив голову набок, изображая зеваку. Плотнo прижавшись к обочине, фургон остановился у двери промоутерского офиса. Боковая дверь открылась. Оттуда выбрались пять одетых в комбинезоны фигур, чьи движения отличала профессиональная скупость. Фигуры скрылись внутри здания, дверь фургона снова закрылась.

Лавируя в потоке прохожих, спешивших за последними покупками, я слегка ускорил шаг, и мои пальцы сомкнулись вокруг лежавшего в кармане предмета.

Лобовое стекло фургона выглядело прочным и почти непрозрачным. С помощью нейрохим-зрения я смог разли-

читать сквозь него две сидящие фигуры и смутные очертания еще одной, приподнимающейся с места, чтобы выглянуть наружу. Глядя на фасад магазина, я преодолел последние метры, отделявшие меня от фургона, и оказался прямо перед ним.

Пора.

Моя левая рука выскользнула из кармана. Плотно прижав к ветровому стеклу плоский диск термитной гранаты, я немедленно переместился вперед и вбок.

Бах!

Пуская в ход термитную гранату, отступать нужно очень быстро. Новые модели разработаны так, что все осколки и девяносто пять процентов огня направлены к поверхности контакта, но пяти процентов с другой стороны хватит, чтобы превратить в кровавую кашу любого, кто стоит на пути.

Фургон содрогнулся. Взрыв внутри бронированного корпуса прозвучал негромко и глухо. Я нырнул в здание промотора и взбежал по ступенькам.

На площадке первого этажа вытащил из кобуры нейроинтерфейсники; пластины из биосплава, вшитые под кожу моих ладоней, уже напряглись в предвкушении действия.

На третьем этаже они выставили часового, но не ожидали нападения сзади. Я выстрелил ему в затылок, взлетел по ступеням последнего лестничного марша – *брызги крови и ошметки белого вещества изукрасили стену* – и оказался на площадке следующего этажа еще до того, как тело парня кос-

нулось пола, и ворвался в дверь офиса за углом.

Эхо первого выстрела, обжигающее, словно первый глоток виски...

Обрывки изображения.

Промоутер, пытающийся подняться со стула, на котором его удерживают двое. Одна рука высвобождается и указывает на меня:

– Вот о...

Ближний к двери громил разворачивается...

Уложить его. Очередь в три патрона, с левой руки.

Кровь веером разлетается в воздухе – гипербыстрое за счет нейрхимии движение, чтобы увернуться от брызг.

Командира взвода узнать легко. Выше, внушительнее, еще что-то неуловимое. Вопль: «Какого ху...»

Выстрелить в корпус. В грудь и руку с оружием. Разнести эту руку в клочья.

«Калашников» в правой плюет огнем и свинцом.

Оставшиеся двое бросают прижатого к креслу, вырывающегося промоутера, тянутся за оружием...

Теперь с обеих рук – в голову, корпус, куда попало.

«Калашниковы» издают отрывистый лай, как два жаждущих крови пса.

Тела дергаются, валятся на пол...

Кончено.

На крошечный офис обрушилась тишина. Промоутер съехал под трупом одного из нападавших. Где-то в консоли

что-то искрило и потрескивало – там, где прошла по касательной или насквозь одна из моих пуль. С лестницы донеслись голоса.

Я опустился на колени рядом с телом главаря и положил на пол оружие. Я вытащил из-за ножен, висевших на пояснице и прикрытых курткой, вибронож. Включив его, с силой уперся в позвоночник мертвеца свободной рукой и принялся за работу.

– Ох, мать твою, – горло промоутера сдавил спазм, после чего его вырвало прямо на консоль. – Твою же мать.

Я поднял на него взгляд:

– Заткнись, это не так-то просто.

Тот снова вжался в кресло.

После пары неудачных попыток вибронож вгрызся в кость и начал перерезать позвоночный столб на несколько позвонков ниже места его соединения с основанием черепа. Я прижал череп к полу коленом, снова уперся мертвецу в спину и начал новый надрез. Нож снова соскользнул с кости.

– Черт.

Голосов на лестничной площадке становилось все больше, и их обладатели, похоже, подходили все ближе. Я прервал свое занятие, левой рукой подобрал один из «калашниковых» и несколько раз выстрелил сквозь дверной проем в стену напротив. Голоса сменились топотом сбегающих по ступенькам ног.

Я снова взялся за нож. Мне удалось загнать острие в кость

и сделать разрез. С помощью лезвия я поддел отсеченный участок позвоночника, отделив его от окружающих мышечных тканей. Грубая работа, но времени было мало. Засунул отрезанную кость в карман, отер руки о чистый участок на одежде покойника и зачехлил нож. После чего поднял интерфейсники и осторожно направился к двери.

Тишина.

На пороге я оглянулся на промоутера. Тот смотрел на меня так, словно у меня внезапно прорезались клыки морского демона.

– Иди домой, – сказал я. – Они снова заявятся. Насколько я могу судить.

По дороге вниз мне не встретилось ни души, хотя я непрерывно ощущал на себе чужие взгляды из-за запертых дверей. Снаружи я осмотрелся, убрал «калашниковы» и двинулся прочь, скользнув мимо раскаленного дымящегося остова взорванного фургона. Тротуар опустел метров на пятьдесят в обе стороны, а на зданиях справа и слева от места происшествия были опущены аварийные жалюзи. Через дорогу уже собиралась толпа, но никто, похоже, не знал, что предпринять. Несколько прохожих, обративших на меня внимание, поспешно отводили взгляды, когда я проходил мимо.

Безупречно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

По дороге в отель мы не обменялись практически ни словом.

Большую часть пути мы проделали пешком, стараясь выбирать крытые галереи и торговые центры, чтобы ускользнуть от систем спутникового слежения, к которым могла иметь доступ «Мандрейк корпорейшн». Сгибаясь под весом сумок, под конец мы совсем запыхались. Через двадцать минут мы остановились под широким козырьком здания холодильного склада. Помахав транспортным пейджером, я в конце концов поймал-таки такси. Мы нырнули в салон прямо из-под козырька и молча откинулись на сиденьях.

– Должна предупредить вас, – занудно сообщила машина, – что через семнадцать минут начинается комендантский час.

– Ну, в таком случае придется доставить нас домой побыстрее, – сказал я, давая ей адрес.

– Расчетное время пути – девять минут. Пожалуйста, произведите оплату.

По моему кивку Шнайдер достал неиспользованный кредитный чип и вставил его в терминал. Такси чирикнуло в ответ, и мы плавно поднялись в почти уже опустевшее ночное небо и заскользили в западном направлении. Я откинул голову и, повернувшись к окну, стал смотреть на проплывав-

шие под нами городские огни, мысленно прокручивая в голове события последнего часа, проверяя, достаточно ли хорошо мы замели следы.

Когда я повернулся обратно, то наткнулся на прямой взгляд Тани Вардани. Она не отвела глаз.

Я снова уставился на огни и не отрывался от них, пока мы не начали снижаться им навстречу.

Отель мы выбрали идеальный. Самый дешевый из своих братьев, выстроившихся в ряд под коммерческой грузовой трассой. Клиентурой его были практически сплошь проститутки и электронарки. Парень за стойкой администратора был облачен в дешевую «Синтету», силикоплоть которой протерлась на суставах пальцев, а на правой руке виднелась свежая заплатка. Стойку покрывали глубоко въевшиеся пятна грязи, а по ее внешнему краю через каждые десять сантиметров стояли генераторы силового поля. В полумраке вестибюля, словно бледные тени, скользили женщины и парни с пустыми лицами.

Логотипированные глаза портье скользнули по нам, будто влажная тряпка.

– Десять санов в час, пятьдесят – залог авансом. За душ и доступ к экрану еще пятьдесят.

– Мы на всю ночь, – сказал Шнайдер. – Если ты не заметил, уже комендантский час начался.

На лице портье не отразилось ровным счетом ничего, но, возможно, проблема была в оболочке. «Синтета» сла-

вилась своей экономией на нервно-мышечных интерфейсах для мелкой лицевой мускулатуры.

– Значит, восемьдесят санов плюс пятьдесят залог. Душ и экран еще пятьдесят.

– Скидки за длительное пребывание не предусмотрено?

Его глаза переместились на меня, а рука исчезла под стойкой. Все еще взвинченный после перестрелки, я ощутил прилив нейрохимии.

– Вам нужна комната или нет?

– Нужна, – сказал Шнайдер, бросив на меня предупреждающий взгляд. – Чип-ридер имеется?

– Еще десять процентов, – портье напряг память. – Комиссия.

– Ладно.

Портье разочарованно поднялся и отправился в соседнюю комнату за ридером.

– Наличные, – пробормотала Таня Вардани. – Надо было об этом позаботиться.

Шнайдер пожал плечами:

– Нельзя позаботиться обо всем. Ты когда в последний раз хоть что-нибудь покупала без чипа?

Она покачала головой. В моей голове промелькнуло воспоминание о том, как тридцать лет назад, за много световых лет отсюда, мне приходилось пользоваться физическими деньгами вместо кредитов. Я даже успел привыкнуть к этим старомодным пластиковым банкнотам с их замыслова-

тым дизайном и голографическими панелями. Но то было на Земле, а Земля вообще напоминает эксперии о доколониальных временах. Я даже недолго воображал себя влюбленным и под влиянием любви и ненависти натворил глупостей. На Земле умерла какая-то часть меня.

Другая планета, другая оболочка.

Я тряхнул головой, отгоняя образ, несправедливо глубоко отпечатанный в памяти, и огляделся, пытаясь снова вернуться к реальности. Плохо различимые в полумраке грубо размаленные лица поворачивались, чувствуя мой взгляд, затем отворачивались обратно.

«Да уж, подходящие воспоминания для борделя. Бог ты мой».

Портье вернулся, считал один из чипов Шнайдера и швырнул на стойку исцарапанную пластиковую карточку-ключ.

– В боковую дверь и вниз по лестнице. Четвертый уровень. Душ и экран я включил до конца комендантского часа. Захотите продлить, надо будет спуститься и доплатить, – силикоплоть сморщилась в некоем подобии ухмылки. Мог бы и не стараться. – Комнаты звукоизолированы. Ни в чем себе не отказывайте.

Коридор и стальная лестница были освещены еще хуже, чем вестибюль, если такое вообще возможно. Иллюминиевая плитка на стенах и потолке местами облупилась, местами просто перегорела. Перила были покрыты слоем светящейся

краски, но слой этот уже почти сошел, теряя микроны всякий раз, когда чья-то очередная рука скользила по металлу.

По пути мы прошли мимо нескольких шлюх, по большей части с клиентами на поводу. Вокруг них, легонько позвякивая, плыли мыльные пузырьки напускной веселости. Бизнес, судя по всему, шел бойко. Среди клиентов я заметил пару военных и задумчиво курившего на лестничной площадке второго этажа мужика, смахивавшего на политофицера Картеля. В нашу сторону никто и ухом не повел.

Комната была вытянутой в длину, с низким потолком, имитациями карниза и колонн из быстротвердеющей смолы, прилепленными прямо на голые бетонные стены, а потом вместе со стенами выкрашенными в чистейший буйно-красный. Примерно в центре комнаты от стен друг напротив друга торчали две кровати, между которыми оставалось не больше полуметра. К углам одной из них были прикреплены пластиковые цепи. В дальнем конце помещения стояла закрытая душевая кабина, достаточно большая, чтобы вместить троих, если потребуют обстоятельства. Напротив каждой кровати располагался широкий экран, на бледно-розовом фоне которого светилось меню.

Я осмотрелся, с шумом выдохнул в теплый, как кровь, воздух и склонился к стоящей на полу сумке:

– Проверьте, дверь заперта?

Я вытащил из сумки детектор и обвел комнату. В потолке обнаружилось три «жучка», по одному над кроватями и один

в душе. До чего изобретательно. Шнайдер прилепил рядом с каждым «улитку»-нейтрализатор клиновского стандарта. «Улитки» залезут в память «жучков», вытащат записи последней пары часов и начнут гонять по кругу. Более продвинутые модели могут даже сканировать содержимое и вполне убедительно импровизировать на его основе, но в нашем случае это вряд ли могло понадобиться. По виду портье не сложилось впечатления, что за ним стоит серьезная система безопасности.

– Куда класть? – спросил Шнайдер у Вардани, которая распаковывала на одной из кроватей вторую сумку.

– Прямо сюда, – отозвалась она. – Погоди, давай я сама. Это, м-м, непросто.

Шнайдер вздернул бровь:

– Ясно. Ладно. Ничего не трогаю.

Просто или непросто, но на сборку оборудования у археолога ушло около десяти минут. Закончив, она достала из обмякшей шкурки опустевшей сумки УЗ-окуляры и надела их. Затем повернулась ко мне:

– Ты мне ничего не хочешь дать?

Сунув руку в карман куртки, я вынул фрагмент позвоночника. На крохотных впадинах и выпуклостях все еще виднелась невысохшая кровь, но Вардани взяла его без всякого видимого отвращения и бросила внутрь прибора для очистки артефактов, который она только что собрала. Под стеклянным колпаком вспыхнул бледный фиолетовый свет. Шнай-

дер и я заворуженно смотрели, как Таня подключает к машине УЗ-окуляры, берет пульт, усаживается по-турецки и приступает к работе. Машина тихонько затрещала.

– Все нормально? – спросил я.

Вардани коротко хмыкнула.

– Много времени на это уйдет?

– Больше, чем надо, если будешь приставать ко мне с дурацкими вопросами, – бросила она, не отрываясь от своего занятия. – У тебя других дел не найдется?

Краем глаза я поймал ухмылку Шнайдера.

К тому времени как мы собрали другой аппарат, Вардани практически закончила. Заглянув через ее плечо в пурпурное свечение, я увидел, что от фрагмента позвоночника осталось немного, и последние его части понемногу сходили, обнажая маленький металлический контейнер стека памяти. От зрелища было невозможно оторваться. Я не первый раз наблюдал, как извлекают стек памяти из позвоночника мертвого человека, но на моей памяти эта операция была самой грациозной. Кость постепенно истаивала, еле заметно уменьшаясь с каждым движением инструментов в Таниных руках, а из-под нее высвобождался контейнер со стеклом, блестящий, как свежее олово.

– Я знаю свое дело, Ковач, – голос Вардани был тих и сосредоточен. – По сравнению с очисткой марсианской электроники это, считай, работа пескоструем.

– Да я не сомневаюсь. Просто восхищаюсь мастерством.

На этот раз она подняла голову и, задрав окуляры на лоб, пристально посмотрела на меня, чтобы убедиться, что в моих словах нет насмешки. Когда поняла, что я не шучу, она снова опустила очки, подкрутила какие-то настройки, потом откинулась назад. Фиолетовый свет погас.

– Готово, – она достала из машины стек, зажав его между большим и указательным пальцами. – Кстати говоря, аппаратура не бог весть. Такую обычно покупают скребуны для дипломных работ. Точность сенсоров довольно низкая. На Пределе мне понадобится что-нибудь получше.

– Не волнуйся, – я взял у нее стек памяти и повернулся к прибору, лежащему на другой кровати. – Если все получится, тебе аппаратуру смонтируют по индзаказу. А теперь слушайте внимательно, вы оба. Этот стек вполне может быть оснащен трекером виртуальной среды. Его вшивают многим корпоративным самураям. Не факт, что она есть у этого, но мы будем исходить из обратного. А значит, безопасного доступа в нашем распоряжении около минуты, по истечении которой трекер активируется и пошлет сигнал. Таким образом, когда вот тот счетчик отсчитает пятьдесят секунд, вырубайте всё. Это всего лишь УЛПиО, но тем не менее, задрав соотношение по максимуму, мы получим тридцать пять к одному относительно реального времени. Немногим больше получаса, но этого должно хватить.

– Что ты с ним собираешься делать? – безрадостно поинтересовалась Вардани.

Я протянул руку к шлему:

– Ничего. Времени мало. Просто поговорю.

– Поговоришь? – ее глаза странно заблестели.

– Иногда, – сказал я ей, – большего и не требуется.

* * *

Вход был жестким.

УЛПиО, установление личности погибшего и оценка, – относительно новая процедура в военной бухгалтерии. При Инненине у нас ее не было; первые прототипы появились, когда я уже покинул Корпус, и даже после этого прошли десятки лет, прежде чем ее смогли себе позволить где-либо, кроме элитных частей Протектората. Относительно дешевые модели были разработаны около пятнадцати лет назад, на радость всем военным аудиторам, хотя, конечно же, не им приходилось входить в систему. УЛПиО, как правило, выпадает на долю полевых медиков, которые пытаются, зачастую под огнем, вытащить мертвых и раненых. В таких обстоятельствах плавность входа расценивается как несколько избыточная роскошь, а модель, которую мы умыкнули вместе с госпитальным шаттлом, определенно была лишена каких бы то ни было наворотов.

Бросив последний взгляд на бетонную стену комнаты, я закрыл глаза. Подключение врезало по мозгам, словно тетраметровый приход. Пару секунд я беспомощно тонул в оке-

ане статического шума, затем резко вынырнул, оказавшись в бескрайнем и ненатурально неподвижном пшеничном поле, залитом лучами предвечернего солнца. Мои подошвы ударились обо что-то твердое, меня слегка подбросило вверх, после чего я оказался на широком деревянном крыльце, с которого открывался вид на поле. Дом, которому принадлежало крыльцо, оказался за моей спиной – одноэтажное каркасное строение, старое с виду, но слишком безупречно отделанное, чтобы и в самом деле быть старым. Стыки досок отличались геометрическим совершенством, и нигде не было видно ни трещин, ни изъянов. Дом выглядел так, словно его скомпилировал из стоковых картинок искусственный интеллект, не имеющий протоколов взаимодействия с людьми; именно так, скорее всего, и было на самом деле.

Полчаса, напомнил я себе.

Пора устанавливать личность и производить оценку.

Специфика современной войны такова, что зачастую от мертвых солдат почти ничего не остается, и это может усложнить жизнь аудиторам. Ведь переоблачение некоторых из убитых может оказаться финансово оправданным; опытные офицеры – это ценный ресурс, да и среди младшего состава попадаются специалисты с незаменимыми навыками или знаниями. Проблема заключается в том, как быстро отделить таких солдат от тех, чье переоблачение будет невыгодным. Как же решить эту задачу в условиях дикого хаоса, который царит на поле боя? Штрихкоды обгорают вместе с кожей,

идентификационные жетоны плавятся от жара или страдают от шрапнели. Иногда помогает сканирование ДНК, но это непростой химический процесс, и на передовой провести его трудно; к тому же кое-какие из самых неприятных видов химического оружия могут вообще запороть на результаты.

Что еще хуже, анализ ДНК не даст никакой информации о том, пригоден ли убитый к переоблачению психологически. Характер смерти – быстрой она была или медленной, в одиночестве ли находился человек или в компании товарищей, испытывал ли агонию или пребывал в болевом шоке – не может не влиять на степень полученной психологической травмы. А степень травмы влияет на боеспособность. Как влияет и индивидуальная история переоблачений. Слишком много оболочек приводят к синдрому множественных переоблачений, проявление которого мне доводилось видеть год назад у сержанта-подрывника «Клина». Его перезагрузили – в девятый раз с начала войны – в свежесклонированную оболочку двадцатилетнего возраста, и он сидел в ней, как младенец в собственном дерьме: бессвязно вопил, рыдал или задумчиво разглядывал свои пальцы, словно порядком надоевшие игрушки.

Унс.

Одним словом, нет никакого способа извлечь хоть сколько-нибудь достоверную информацию из искалеченных и обгорелых останков, с которыми зачастую приходится иметь дело медикам. Однако, к счастью для бухгалтеров, техно-

логия стека памяти дает возможность не только установить личность и определить ценность погибшего, но и установить, не ввергся ли тот в пучину необратимого безумия. Этому «черному ящику» сознания в позвоночном столбе, прямо под черепом, обеспечена максимальная сохранность. Окружающая стек костная ткань сама по себе обладает удивительной стойкостью к механическим повреждениям; а чтобы не полагаться на одну только старую добрую эволюционную инженерию, стек памяти изготавливают из самых прочных искусственных материалов, известных человечеству. Можно спокойно, не опасаясь повредить стек, подвергнуть его пескоструйной очистке, подключить к любому генератору виртуальной среды под рукой, после чего просто нырять туда за объектом. Необходимое для этого оборудование влезает в одну большую сумку.

Я подошел к идеально гладкой деревянной двери. Рядом с ней висела медная табличка, на которой был выбит восьмизначный серийный номер и имя: *Дэн Чжао Юн*. Я нажал на ручку. Дверь бесшумно растворилась, пропуская меня внутрь, в стерильно чистое помещение, большую часть которого занимал длинный деревянный стол. Сбоку от него, перед камином, в котором потрескивал несильный огонь, располагалась пара кресел, обитых горчичного цвета тканью. Двери в задней стене вели, по всей видимости, на кухню и в спальню.

Он сидел у стола, уронив лицо в ладони. Очевидно, он

не слышал, как я вошел. Аппаратура должна была подключить его на несколько секунд раньше, чем меня, так что в его распоряжении имелась пара минут, чтобы справиться с первоначальным потрясением и осознать, где он находится. Теперь ему оставалось только привыкнуть к этому осознанию.

Я негромко кашлянул.

– Добрый вечер, Дэн.

Он поднял голову и, увидев меня, уронил руки на стол. Слова хлынули из него сплошным потоком:

– Нас подставили, чувак, это была сраная подстава. Нас там ждали. Передай Хэнду, что его системы безопасности накрылись. Похоже, кто-то...

Поток слов пересох, а глаза расширились, когда он узнал меня.

– Да.

Он вскочил:

– Да кто ты, сука, такой?

– Это не важно. Послушай...

Но было поздно, он уже огибал стол, сощурив глаза от ярости. Я сделал шаг назад.

– Слушай, нет никакого смысла...

Он сократил дистанцию и устремился на меня: выпад ногой на уровне колена и удар кулаком в корпус. Я заблокировал выпад, взял руку в захват и бросил парня на пол. Приземлившись, он попытался снова достать меня ногой, и мне пришлось уклониться, чтобы не получить в лицо. Подняв-

шись одним прыжком, он снова ринулся на меня.

На этот раз я принял бой и стал отражать атаки блоками и вертушками, потом завалил его снова коленями и локтями. Он тяжело ухал в такт ударам, и наконец рухнул на пол, прижав корпусом собственную руку. Я приземлился ему на спину, захватил свободное запястье и заломил руку вверх так, что она хрустнула.

– Так, ну все, хорош. Это же *виртуальность*, мать твою, – я восстановил дыхание и заговорил тише. – Кроме того, еще одна такая мудацкая попытка, и я ломаю тебе руку. Уяснил?

Он кивнул, как мог, прижатый лицом к полу.

– Ладно, – я ослабил хватку на миллиметр. – Сейчас я тебя отпущу, и мы поговорим, как цивилизованные люди. Мне нужно задать тебе несколько вопросов, Дэн. Можешь на них не отвечать, если не хочешь, но это не в твоих интересах, так что слушай внимательно.

Я поднялся и отступил в сторону. Мгновение спустя он встал и, массируя руку, прохромал к своему стулу. Я сел в другом конце стола.

– У тебя установлен трекер виртсреды?

Дэн отрицательно мотнул головой.

– Нет, ну понятно, что ты будешь отрицать, даже если установлен. Но да все равно. У нас работает зеркальный скремблер кода. Значит, так. Мне нужно имя твоего старшего.

Он уставился на меня:

– С какого хера я тебе буду что-то рассказывать?

– Потому что в этом случае я верну «Мандрейк» твой стек памяти, и тебя, скорее всего, переоблачат, – я склонился вперед. – Это особое разовое предложение, Дэн. Воспользуйся, пока его срок не истек.

– Если ты меня убьешь, «Мандрейк»...

– Нет, – я покачал головой. – Давай будем реалистами. Ты ведь кто? Начальник отдела безопасности? Глава тактического подразделения? «Мандрейк» тут же найдет тебе на замену дюжину претендентов. Многие взводные сержантки из правительственных войск отсосать готовы за возможность унести ноги с передовой. Любой из них может исполнять твои обязанности. И, кроме того, мужчины и женщины, на которых ты работаешь, собственных детей бы продали в бордель, чтобы заполучить то, что я им сегодня показал. Ну и, помимо всего этого, дружок, ты – не представляешь – никакой – ценности.

Тишина. Он молчал, пронзая меня ненавидящим взглядом.

Я прибегнул к хрестоматийному приему.

– Они, конечно, могут в общем порядке устроить трюк с показательным возмездием. Дать понять, что любой, кто тронет их оперативников, столкнется с самыми серьезными последствиями. Многие жесткие организации любят гнуть эту линию, и, полагаю, «Мандрейк» не исключение, – я взмахнул ладонью. – Но в данном-то случае мы находимся

вне контекста общих принципов, не правда ли, Дэн? Ты же явно это понимаешь. Тебя раньше хоть раз посылали на такой срочный выезд? Ты получал такие исчерпывающие инструкции? Что там было? Найти тех, от кого исходил сигнал, и любой ценой доставить с неповрежденными стеками? Что-то вроде этого?

Вопрос повис в воздухе между нами, точно переброшенная веревка, только и ждущая, чтобы ее подхватили.

«Ну давай. Хватай. Достаточно лишь одного слова».

Но пауза затягивалась. Приглашение согласиться, заговорить, уступить и ответить болталось в воздухе, поскрипывая под собственным весом. Дэн плотно сжал губы.

Попробуем еще раз.

– Что-то вроде этого, Дэн?

– Можешь сразу меня убить, – произнес он напряженным голосом.

Я медленно растянул губы в улыбке...

– Я не собираюсь тебя убивать, Дэн.

...и стал ждать ответа.

Как будто у нас и в самом деле есть зеркальный скремблер. Как будто нас нельзя отследить. Как будто мы располагали временем. *Верь* этому.

Сколько угодно времени.

– Ты не?.. – наконец сказал он.

– Не собираюсь тебя убивать, Дэн. Именно так я и сказал.

Я – не – собираюсь – тебя – убивать, – я пожал плечами. –

Это было бы слишком просто. Как выключателем щелкнуть. Так легко тебе в корпоративные герои не угодить.

Я увидел, что озадаченность сменяется тревогой.

– И да, на пытки можешь тоже не рассчитывать. Тут я пас. Ну, в смысле, кто там знает, что за софт в тебе установлен, какая сопротивляемость. Слишком грязно, слишком долго, слишком неопределенно. А ответы на свои вопросы я, если что, получу и в другом месте. Как я и говорил, это особое разовое предложение. Ответ на мои вопросы, пока у тебя еще есть такая возможность.

– А не то что?

Почти непробиваемая бравада, но в очередной раз опрокинутые расчеты размыли ее фундамент. Уже дважды ему удавалось подготовить себя к тому, что, как он полагал, на него надвигалось, и оба раза его предположения не оправдывались. Страх в нем пока еле теплился, но постепенно разгорался.

Я передернул плечами:

– А не то я оставлю тебя здесь.

– *Что?*

– Оставлю здесь. Вот мы с тобой сейчас находимся в Керисетской пустоши. В каком-то заброшенном городишке на месте старых раскопок, я даже не уверен, что у него есть название. На тысячу километров во всех направлениях ничего, кроме пустыни. Я просто оставлю тебя подключенным.

Он заморгал, пытаясь осознать, к чему я клоню. Я снова

склонился вперед.

– Ты в системе установления личности и оценки. Она подключена к полемому аккумулятору. Аккумулятора при нынешних установках хватит на десятки лет. На сотни лет виртуального времени. Которое покажется тебе ни хера не виртуальным, а довольно-таки реальным. Будешь тут сидеть и смотреть, как растет пшеница. *Если* она растет в таком-то простеньком формате. Голод тебе не грозит, жажда тоже, но готов поспорить, что ты сойдешь с ума еще до того, как подойдет к концу первое столетие.

Я опять откинулся на спинку. Дал ему переварить услышанное.

– Или можешь ответить на мои вопросы. Разовое предложение. Ну так как?

Снова наступило молчание, но на этот раз не похожее на прежнее. С минуту я предоставил ему возможность сверлить меня взглядом, после чего пожал плечами и поднялся:

– Возможность у тебя была.

Я почти дошел до двери, когда он наконец раскололся.

– Ладно! – его голос сорвался, словно лопнувшая фортепианная струна. – Ладно, ты добился своего. Добился.

Я подождал, потом взялся за дверную ручку. Его голос стал громче:

– Я сказал, ты добился своего, чувак. Хэнд, чувак. *Хэнд*. Матиас Хэнд. Это он, он нас послал, хорош уже, чувак. Я все скажу.

Хэнд. Имя, которое вырвалось у него какое-то время назад. По всему было похоже, что он действительно раскололся. Я медленно повернулся обратно.

– Хэнд?

Он судорожно кивнул.

– Матиас Хэнд?

Он поднял голову. По взгляду было видно, как у него что-то сломалось внутри.

– Я могу положиться на твое слово?

– Раз такое дело, то можешь. Твой стек будет доставлен «Мандрейк» в целости и сохранности. Итак. Хэнд.

– Матиас Хэнд. Отдел слияний и поглощений.

– Он твой старший? – я нахмурился. – Начальник отдела?

– Вообще-то нет. Все тактические группы подчиняются главе Службы безопасности, но с начала войны семьдесят пять оперативников были определены под непосредственное командование Хэнда в отдел слияний и поглощений.

– Почему?

– А я, сука, знаю?

– А ты предположи что-нибудь. Это была инициатива Хэнда? Или шло сверху?

Он заколебался:

– Говорят, что Хэнда.

– Как давно он работает на «Мандрейк»?

– Не знаю, – он увидел выражение моего лица. – Блин, да не знаю я. Дольше меня.

– Что у него за репутация?

– Он крут. С ним шутки плохи.

– Ну да, ну да. Как и со всяким другим корпоративным начальничком чуть поболее главы отделения. Они все такие крутые сукины дети. Ты мне расскажи что-нибудь, о чем я сам не могу догадаться.

– Это не просто слова. Два года назад один проектный менеджер из отдела разработок подавал заявление правлению о нарушении Хэндом корпоративной этики...

– Корпоративного *чего-о*?

– Смейся-смейся. В «Мандрейк» за это можно попасть под стирание, если обвинение подтвердится.

– Но оно не подтвердилось.

Дэн отрицательно качнул головой:

– Хэнд договорился с правлением, никто не знает как. А того менеджера нашли мертвым на заднем сиденье такси, и утро у него было разворочено, словно внутри что-то взорвалось. Поговаривают, что Хэнд одно время был хунганом в Братстве Карфура на Латимере. Всякая эта вудуистская хрень.

– Вудуистская хрень, – повторил я, больше изображая безразличие, чем чувствуя его.

Религия есть религия, под каким бы соусом ее ни подавали, и, как говорит Куэлл, увлеченность миром иным свидетельствует о неспособности нормально устроиться в мире нашем. Тем не менее Братство Карфура ничем не уступало

любым другим серьезным бандам вымогателей, с которыми мне довелось столкнуться на своем скорбном пути, а в их число входили, наряду с прочими, якудза Харлана, религиозная полиция Шарии и, конечно, сам Корпус посланников. Если Матиас Хэнд был экс-карфурцем, он представлял собой нечто посложней и посерьезней среднестатистического корпоративного боевика.

– Ну а помимо «всякой этой вудуистской хрени», что еще о нем говорят?

Дэн пожал плечами:

– Что он умен. Прямо перед войной его отдел заполучил много правительственных контрактов. Из разряда таких, которые мейджоры даже не рассматривали. По слухам, Хэнд заявил правлению, что через год в этот же самый день у них будет место в Картеле. И никто из тех, кого я знаю, не считает это смешным.

– Ну еще бы. Украшать салон такси своими кишками – слишком уж резкий поворот карьеры. Я думаю, нам...

Падаю.

Покидать формат УЛПиО оказалось столь же невеликим удовольствием, как и заходить в него. Как будто под моим стулом распахнулся люк, и я провалился в тоннель, пронизывающий планету насквозь. Море помех надвигалось со всех сторон, пожирая темноту с жадным похрустыванием и терзая все мои органы чувств разом, как резкий отходняк с эмпатины. Когда этому пришел конец и море отступило, пода-

рив новую порцию столь же малоприятных ощущений, я снова вернулся в реальность, обнаружив себя лежащим на кровати головой вниз, со стекающей из угла рта тонкой ниточкой слюны.

– Ты как, Ковач?

Шнайдер.

Я моргнул. После купания в море помех комната показалась неожиданно сумеречной, как будто я слишком долго глядел на солнце.

– Ковач? – на этот раз это был голос Тани Вардани.

Я вытер рот и огляделся. Рядом со мной тихо гудел УЛ-ПиО-аппарат, зеленые цифры замерли на сорока девяти. Вардани и Шнайдер стояли по обе стороны от него, уставившись на меня с почти комической озабоченностью. Расположенная за их спинами лепная пошлятина бордельных апартаментов придавала всей сцене вид дурно срежиссированного фарса. Подняв руку, чтобы снять шлем, я почувствовал, что мои губы начинают кривиться в ухмылке.

– Ну? – Вардани слегка отодвинулась от меня. – Хватит скалиться, рассказывай. Что удалось узнать?

– Достаточно, – ответил я. – Думаю, теперь мы готовы к сделке.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОММЕРЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Всякая программа, политическая или любая другая, имеет свою цену. Всегда интересуйтесь, какова цена и кто будет платить. Иначе те, кто стоит за этой программой, учуют ваше молчание, как болотные пантеры – запах крови, и не успеете вы глазом моргнуть, как счет предъявят именно вам. И вы его можете не потянуть.

Куэллкрисст Фальконер.

То, что я уже должна была понять. Том второй

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Дамы и господа, прошу внимания.

Аукционер деликатно постучала пальцем по гарнитуре микрофона, и громкий «пум-пум» раскатился под сводами зала над нашими головами, подобно приглушенному раскату грома. В соответствии с традицией, она была облачена в некое подобие вакуумного костюма, минус шлем и перчатки, но костюм этот своим фасоном вызывал у меня ассоциации скорее с модными домами Нового Пекина, чем с марсиан-

скими раскопками. Ее голос был приятен, как теплый кофе с несколькими каплями крепкого рома.

– Лот семьдесят семь. Раскопки на Нижнем Данангском поле, недавняя находка. Трехметровый пилон с техноглифами на основании, нанесенными методом лазерной гравировки. Начальная цена – двести тысяч санов.

– Это вряд ли, – Матиас Хэнд отхлебнул чай и лениво поднял взгляд к краю клирингового балкона, где вращалось увеличенное голографическое изображение выставленного лота. – Не сегодня и не с этой чертовой трещиной на втором глифе.

– Ну, всякое бывает, – легко ответил я. – Мало ли в таком месте бродит идиотов, не знающих, куда потратить деньги.

– Что верно, то верно, – он слегка поерзал на сиденье, словно сканируя разрозненную толпу потенциальных покупателей, рассеянных по балкону. – Но я думаю, вы сами увидите, как эта штука уйдет меньше чем за сто двадцать.

– Как скажете.

– Вот так и скажу.

Чеканные черты его европеоидного лица тронула скупая улыбка. Как большинство корпоративных управленцев, он был высоким, привлекательным, но незапоминающимся.

– Мне, конечно, случалось и ошибаться в прошлом. Нечасто. А, отлично, похоже, это наше.

Прибыла еда. Официанта заставили нацепить более дешевую и менее качественную версию костюма аукционера.

Несмотря на это, он выгрузил наш заказ с замечательной ловкостью. Мы молча ждали, когда он закончит, и с симметричной осторожностью проводили его взглядами.

– Не ваш? – спросил я.

– Едва ли, – Хэнд подозрительно поворошил палочками содержимое бэнто. – Вообще-то могли бы выбрать и другую кухню. Я имею в виду, война же, а до ближайшего океана больше тысячи километров. Вы правда считаете, что суши были хорошей идеей?

– Я с планеты Харлан. Мы там едим суши.

Мы оба не затрагивали тот факт, что суши-бар располагался в самом центре клирингового балкона, представляя собой прекрасную мишень для снайпера, который в этом просторном помещении мог находиться где угодно. В одной из таких позиций и притаился сейчас Ян Шнайдер с короткоствольным лазерным карабином с закрытым излучателем, глядя через оптический прицел в лицо Матиасу Хэнду. Я не имел представления, сколько других мужчин и женщин в этот момент выцеливали меня.

На голодисплее над нашими головами замерцали оранжевые цифры: начальная цена заскользила вниз и прошла отметку в сто пятьдесят, невзирая на умоляющие ноты в голосе аукционера. Хэнд кивнул в сторону экрана:

– Ну вот. Начался процесс распада, – он приступил к еде. – Не пора ли нам перейти к делу?

– В самом деле, – я перебросил ему через стол цилиндр. –

Полагаю, это ваше.

Цилиндр подкатился к Хэнду, и тот остановил его свободной рукой. Сжав стек своими безупречно отманикюренными пальцами, он озадаченно на него уставился.

– Дэн?

Я кивнул.

– Что удалось из него вытрясти?

– Немного. Как вы понимаете, не было времени, учитывая, что при активации виртуальной среды срабатывал трекер, – я пожал плечами. – Он обронил ваше имя, прежде чем понял, что я не мандрейковский психохирург, но потом уже держал рот на замке. Крепкий оказался сукин сын.

Лицо Хэнда приняло скептическое выражение, однако он опустил стек памяти в нагрудный карман без дальнейших комментариев. Положив в рот сасими, он принялся медленно жевать.

– А что, действительно было так уж необходимо убивать их всех? – спросил он наконец.

Я пожал плечами:

– Так теперь делаются дела у нас на севере. Возможно, вы не в курсе. Идет война.

– А, ну да, – казалось, он впервые обратил внимание на мою униформу. – Значит, вы из «Клина». Интересно, как отреагирует Айзек Каррера на новости о вашей вылазке в Лэндфолл. Вы как считаете?

Я снова пожал плечами:

– Офицерам «Клина» предоставляется достаточная свобода действий. Объяснить это, возможно, будет не так-то просто, но я всегда могу сказать, что действовал под прикрытием, проявляя стратегическую инициативу.

– В самом деле?

– Нет. Мои мотивы исключительно личные.

– А если я запишу наш разговор и дам ему прослушать?

– Ну, будучи под прикрытием, я же должен для прикрытия что-нибудь для вас сочинить, не так ли? Таким образом, наша беседа превращается в двойной блеф. Вы не согласны?

Наступила пауза, в течение которой мы непроницаемо смотрели друг на друга через стол, после чего на лице менеджера из «Мандрейк» снова медленно проступила улыбка. Я отметил, что на этот раз она продержалась дольше и была неподдельной.

– Да, – пробормотал он. – Очень изящно. Мои поздравления, лейтенант. Это так складно, что я и сам не знаю, чему верить. Вы же, если на то пошло, и вправду можете работать на «Клин».

– Могу, – улыбнулся я в ответ. – Но, видите ли, какая штука. У вас нет времени этим озадачиваться. Поскольку та же самая информация, что вы получили вчера, находится в режиме необратимого отложенного запуска в пятидесяти разных точках инфопотока Лэндфолла, запрограммированная на мгновенную отправку в каждую корпоративную базу данных Картеля. И отсчет уже идет. На то, чтобы все провер-

нуть, у вас есть примерно месяц. Ну а потом все ваши крупные конкуренты будут знать то, что знаете вы, и некий участок побережья станет похож на бульвар Тачдаун в канун Нового года.

– Поттише, – голос Хэнда по-прежнему оставался любезным, но под учтивостью тона внезапно обнаружились стальные ноты. – Мы тут не одни. Если вы собираетесь вести дела с «Мандрейк», вам придется научиться вести себя осмотрительней. Больше никакой конкретики, пожалуйста.

– Хорошо. При условии, что мы понимаем друг друга.

– Думаю, что понимаем.

– Надеюсь, – я добавил металла в голос. – Вы недооценили меня вчера, напустив на нас свою банду громил. Не делайте так больше.

– Даже и в мыслях не...

– Вот и хорошо. Даже и в мыслях этого не допускайте, Хэнд. Потому что вчерашний инцидент с Дэном и его приятелями даже близко не стоит с теми неприятными событиями, в которых мне приходилось принимать участие за последние полгода на севере. Вы можете считать, что война сейчас от вас далеко, но, если «Мандрейк» снова попытается кинуть меня или моих партнеров, вы получите такой «Клин» в задницу, что у вас собственное дерьмо застрянет в глотке. Так что, мы понимаем друг друга?

Хэнд состроил обиженную мину:

– Да. Вы обозначили свою позицию весьма недвусмыслен-

но. Могу вас заверить, никаких попыток оттереть в сторону вас и ваших партнеров больше предприниматься не будет. При условии, разумеется, что ваши требования будут разумными. Какую посредническую комиссию вы собирались запросить?

– Двадцать миллионов долларов ООН. И не надо на меня так смотреть, Хэнд. Это меньше одной десятой процента того, что в случае успеха выручит с этой сделки «Мандрейк».

Цена на голодисплее, похоже, наконец притормозила на отметке сто девять, и аукционер потихоньку начала двигать ее обратно вверх.

– Хм-м, – Хэнд задумчиво прожевал и проглотил очередной кусок. – Оплата при получении?

– Нет. Авансом, на депозит в «Латимер-сити банк», односторонний перевод, стандартный семичасовой лимит возврата платежа. Номер счета я сообщу позже.

– Довольно дерзко с вашей стороны, лейтенант.

– Будем считать это подстраховкой. Не то чтобы я вам не доверял, Хэнд, но мне будет спокойнее, если я буду знать, что оплата уже проведена. Таким образом, вероятность, что «Мандрейк» пошлет меня в жопу по окончании всего предприятия, будет равна нулю. Вам ничего с этого не выгадать.

Менеджер недобро осклабилсся:

– Доверие – вещь обоюдная, лейтенант. С какой стати нам с вами рассчитывать прежде, чем проект будет реализован?

– С той стати, что я сейчас просто могу встать из-за этого стола и уйти, а вы останетесь в стороне от самого крупного научно-исследовательского переворота в истории Протектората, – я дал ему переварить сказанное, после чего вколол дозу успокоительного. – Ну хорошо, посмотрите на это вот как. Пока идет война, отсюда мне до денег не добраться, и это гарантирует Директива о чрезвычайных полномочиях. Таким образом, вы расстаетесь с деньгами, но и ко мне они не переходят. Чтобы их получить, мне нужно будет попасть на Латимер. Вот вам и гарантия.

– Так вы еще и на Латимер желаете попасть? – Хэнд поднял бровь. – Двадцать миллионов долларов ООН и межпланетная доставка?

– Не глупите, Хэнд. А вы чего ожидали? Думаете, я буду ошиваться здесь до тех пор, пока Кемп с Картелем не решат наконец, что пора заканчивать воевать и начинать переговоры? У меня не такой большой запас терпения.

– Итак, – Хэнд отложил палочки, переплел пальцы рук и облокотился на стол. – Проверим, правильно ли я понимаю. Сейчас мы выплачиваем вам двадцать миллионов долларов ООН. Это не обсуждается.

Я молча смотрел на него, ожидая продолжения.

– Верно?

– Не волнуйтесь, я прерву, если что-нибудь перепутаете. По его лицу снова скользнула беглая улыбка:

– Благодарю. Затем, после успешного завершения проек-

та, мы отправляем пробоем вас и, как я полагаю, ваших партнеров на Латимер. Это все требования?

– Плюс выгрузка.

Хэнд смерил меня странным взглядом. Наверное, он не привык к тому, чтобы переговоры принимали подобный оборот.

– Плюс выгрузка. Здесь будут какие-то особые оговорки?

Я пожал плечами:

– Оболочки высшего качества, разумеется, но нюансы мы можем обсудить и позднее. Индивидуальный заказ не обязателен. Конечно, модели лучшие, но сгодятся и серийные.

– Сгодятся, да? Вот замечательно.

Я почувствовал щекотку зарождающейся где-то в районе живота усмешки и позволил ей всплыть на поверхность:

– Да ладно вам, Хэнд. Это очень выгодная сделка, и вы это знаете.

– С ваших слов. Все не так-то просто, лейтенант. Мы проверили регистрационные записи Лэндфолла за последние пять лет, и в них нет ничего похожего на объект, который вы описали, – он развел руками. – Никаких свидетельств его существования. Можете понять мое положение.

– Могу. Где-то через две минуты вы упустите самый крупный археологический куш за последние пятьсот лет, и произойдет это потому, что в ваших *записях* нет о нем информации. Если это и есть ваша позиция, Хэнд, я обратился не по адресу.

– Вы хотите сказать, что эту находку не зарегистрировали? Прямо нарушив Хартию?

– Я хочу сказать, что это не имеет значения. Я хочу сказать, что посланные нами файлы выглядели достаточно реалистичными, чтобы вы или ваш ручной ИИ в течение получаса отправили взвод командос для полноценной боевой операции. Может, записи были потеряны, может, повреждены или украдены. Да чего я вообще это с вами обсуждаю? *Будете раскошелиться, или вы нас?*

Наступила тишина. Он был хорош: я до сих пор не мог определить, к чему он склоняется. С тех пор как мы сели за стол, он не позволил себе ни единого искреннего проявления эмоций. Я ждал. Он откинулся на спинку стула и смахнул с колен невидимую пылинку.

– Боюсь, мне понадобится обсудить этот вопрос с коллегами. Я не уполномочен заключать сделки такого масштаба при почти полном отсутствии встречных обязательств. Одно только разрешение на ОЧС-пробой потребует...

– Бред, – сказал я дружелюбно. – Ну да ладно. Обсуждайте. Могу дать вам полчаса.

– Полчаса?

Испуг – лишь крохотная искорка, сверкнувшая в уголках его сузившихся глаз, но она там была, и я почувствовал, как вслед за усмешкой из глубины живота стала подниматься волна удовлетворения, смешанного с подавляемой почти что два года яростью.

«Попался, сучий ты потрох».

– Ага. Тридцать минут. Буду ждать здесь. Я слышал, здесь подают отличный сорбе из зеленого чая.

– Вы шутите.

Я дал ярости слегка прорезаться в голосе:

– Разумеется, я не шучу. Я же вас предупреждал. Не надо недооценивать меня, Хэнд. Либо в течение тридцати минут я получаю ответ, либо я выхожу из этого зала и отправляюсь к другим людям. Может, еще и счет предоставлю оплачивать вам.

Он раздраженно мотнул головой:

– И куда же вы пойдете?

– К «Сатакарн Ю»? «РKN»? – я взмахнул палочками. – Кто знает? Но вы за меня не волнуйтесь. Что-нибудь придумаю. А вы вот будете заняты под завязку, пытаетесь объяснить правлению, как это вы упустили такую сделку. Не правда ли?

Матиас Хэнд коротко выдохнул и поднялся. Он выжал из себя вымученную улыбку и одарил меня ею:

– Что ж, хорошо. Я скоро вернусь. Но вам не мешало бы немного поучиться искусству переговоров, лейтенант Ковач.

– Возможно. Как я уже сказал, я слишком долго пробыл на севере.

Я проследил взглядом, как он удаляется, лавируя между потенциальными покупателями на балконе, и почувствовал невольный озноб. Если моей физиономии и впрямь было суждено расплавиться под огнем лазера, скорее всего, это

случится именно сейчас.

Практически все мои расчеты были построены на предположении, что правление наделило Хэнда неограниченными полномочиями. «Мандрейк» представлял собой коммерческий эквивалент «Клина Карреры», а значит, предоставлял аналогичную свободу действий людям, занимающим руководящие должности. По сути, только таким образом и может эффективно функционировать любой высокоразвитый организм.

Не ожидайте ничего и будете готовы ко всему. В духе Корпуса снаружи я оставался спокойным и расслабленным, но мой мозг тем временем сновал, как крыса, перебирая каждую мелочь.

Двадцать миллионов по корпоративным понятиям – сумма небольшая, тем паче за такой гарантированный результат, каким он выглядел в моей подаче. И, будем надеяться, предыдущим вечером я достаточно эффектно выступил, чтобы пресечь новые попытки захватить товар бесплатно. Напирал я довольно энергично, но все это в итоге должно было склонить весы в нужную сторону. Для них было логичней заплатить.

«Так ведь, Такеси?»

Мое лицо дернулось.

Если меня подвела хваленая интуиция посланника, если менеджеры в «Мандрейк», вопреки ожиданиям, сидят на более коротком поводке, чем я предполагал, и если Хэнду не

удастся получить добро на сделку, он может все-таки взять и пойти напролом. Начав с моего убийства с последующим переоблачением в конструкт для допросов. И, если гипотетические корпоративные снайперы решат меня сейчас уложить, Шнайдер и Вардани мало что смогут сделать, кроме как ретироваться и залечь на дно.

«Не ожидайте ничего и...»

И залегать они на этом дне смогут недолго. Хэнд об этом позаботится.

«Не...»

Достигать состояния безмятежности на Санкции IV становилось все труднее.

«Сучья война».

И в этот момент Матиас Хэнд появился снова. Он шел, лагурируя в людском потоке, с тенью улыбки на губах и решением, читающимся в каждом шаге так отчетливо, как если бы оно было написано на рекламном щите. Над его головой на голодисплее с вращающимся марсианским пилоном застыли оранжевые цифры, а затем окрасились в кроваво-красный. Цвет окончания торга. Сто двадцать три тысячи семьсот савнов.

Продано.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дангрек.

Берег, съжившийся под натиском холодного седого моря; исхлестанные дождями и ветрами гранитные холмы, поросшие чахлой растительностью; несколько разрозненных участков леса. Чем выше, тем меньше оставалось на земле этих зеленых одежек, и их место занимали лишайник и голая горная порода. В десяти километрах от берега земля обнажалась до костей – там, где глазам представляли осыпавшиеся утесы и каньоны древней горной цепи, хребта Дангрека. Лучи предвечернего солнца копьями пронзали лоскуты облаков, застрявшие на тех немногих зубьях, которыми еще мог похвастаться ландшафт, и окрашивали море в цвет грязной ртути.

Легкий бриз, налетевший с океана, добродушно похлопал нас по щекам. Шнайдер бросил взгляд на руки и, не увидев на них мурашек, нахмурился. Он был без куртки, в одной только надетой утром футболке с изображением Лапине.

– Тут должно быть холоднее, – сказал он.

– Тут к тому же все должно быть усеяно останками мертвых командос «Клина», Ян, – обогнув его, я подошел к Матиасу Хэнду, который стоял, засунув руки в карманы своего топ-менеджерского костюмчика, и смотрел в небо, будто ожидая дождя. – Стоковая модель, так? Сохраненная копия, без обновления в реальном времени?

– Пока без, – Хэнд перевел взгляд на мое лицо. – Вообще говоря, эту модель разработал военный ИИ. Климатические протоколы еще не подключены. Она пока довольно прими-

тивная, но для того, чтобы сориентироваться на местности...

Он выжидательно посмотрел на Таню Вардани, которая стояла к нам спиной, созерцая поросшие травой холмы. Она, не оборачиваясь, кивнула:

– Сойдет, – сказала она сдержанно. – Думаю, ВИИ немного упустил.

– В таком случае, полагаю, вы сможете показать, где находится то, что мы ищем.

Ответом было такое долгое и мертвое молчание, что я уже начал гадать, не закончилось ли действие моего интенсивного курса терапии. Но тут археолог повернулась к нам:

– Да, – еще одна пауза. – Конечно. Сюда.

Она двинулась вперед. Ее шаг был широк, полы куртки развевались по ветру. Я обменялся взглядом с Хэндом, который пожал плечами в безукоризненно пошитом костюме и жестом руки изобразил галантное «после вас». Шнайдер уже шел за археологом, так что нам оставалось только следовать за ними. Я пропустил Хэнда вперед и забавлялся, наблюдая, как он оскальзывается на склоне в своих не подходящих случаю офисных туфлях.

Через сотню метров Вардани обнаружила узкую тропинку, протоптанную каким-то травоядным животным, и зашагала по ней к берегу. Ветер не отставал, колыхал длинную траву и заставлял паучьи розы сонно и уступчиво кивать жесткими бутонами. Сквозь рваную пелену облаков просвечивало безмятежно-серое небо.

Мне было трудно увязать эту картину с тем, что осталось в памяти от последнего посещения Северного предела. Пейзаж был тем же — на тысячу километров в обе стороны береговой линии, — вот только все вокруг было залито кровью и рабочими жидкостями из гидравлических систем мертвых военных машин. Я помнил свежие гранитные раны на боках холмов, шрапнель и выжженную траву, и смертоносный залп протонных пушек над нашими головами. А еще я помнил крики...

Мы достигли вершины последнего ряда холмов, закрывавших береговую линию, и окинули взглядом цепочку каменных мысов, которые, накренившись, сползали в море, словно тонущие авианосцы. В нешироких мелководных заливах, зажатых между этими искривленными пальцами суши, блестел бирюзовый песок. Чуть дальше из воды выступали отдельные островки и рифы, а берег дугой загибался к востоку, где...

Я остановился и прищурился. На восточном конце длинной береговой линии ткань виртуального полотна словно расползлась, обнажив фрагмент серого расфокуса, похожего на пласт старой стальной ваты. Время от времени серое озярялось изнутри неяркими красными вспышками.

— Хэнд, это что такое?

— «Это»? — он посмотрел, куда я показывал. — А, это. Серая зона.

— Это я вижу, — Вардани и Шнайдер тоже остановились и

стали всматриваться. – Что она там делает?

Но та часть меня, что еще совсем недавно занывала в темноту и зеленую паутину голокарт и геолокационных моделей Карреры, уже начинала понимать, каким будет ответ. Я чувствовал, как крупницы истины ссыпаются по желобкам и изгибам моего сознания, подобно мелкой крошке, предвещающей большой камнепад.

Таня Вардани на мгновение опередила меня.

– Это Заубервиль, – произнесла она безо всякого выражения. – Так ведь?

Хэнд обладал достаточно хорошими манерами, чтобы изобразить смущение:

– Все верно, госпожа Вардани. ВИИ предполагает пятидесятипроцентную вероятность того, что в течение ближайших двух недель Заубервиль будет подвергнут тактической ликвидации.

В воздухе повеяло зловещим холодком, и взгляд, которым обменялись мы со Шнайдером и Вардани, походил на электрический разряд. Население Заубервиля составляло сто двадцать тысяч человек.

– Каким образом? – спросил я.

Хэнд пожал плечами:

– Зависит от того, кто это сделает. Если Картель, они, вероятнее всего, используют одну из своих орбитальных протонных пушек. Что довольно аккуратно и не доставит неудобства вашим друзьям из «Клины», если они уже успели

пробиться настолько далеко. Если за дело возьмется Кемп, процесс будет не столь изящен и не столь аккуратен.

– Тактический ядерный удар, – бесцветно произнес Шнайдер. – Средство доставки – система «Мародер».

– Ну, ничего другого у него нет, – снова пожал плечами Хэнд. – И, говоря начистоту, если делать это придется ему, он в любом случае не захочет заботиться об аккуратности. Так как он будет отступать, то постарается растянуть зону заражения на весь полуостров, чтобы не дать его занять Картелю.

Я кивнул:

– Да, пожалуй. С Ивенфоллом он поступил именно так.

– Мудак долбанутый, – сказал Шнайдер, обращаясь, по всей видимости, к небу.

Таня Вардани промолчала, но выглядела при этом так, будто пыталась достать языком застрявший между зубов кусок мяса.

– Итак, – произнес Хэнд с наигранной оживленностью. – Госпожа Вардани, вы, кажется, собирались нам кое-что показать.

Вардани отвернулась.

– Это на берегу, внизу, – сказала она.

Тропинка, по которой мы шли, огибала один из заливов и заканчивалась на небольшом скальном выступе, с края которого на затененный бледно-голубой песок сыпалось каменное крошево. Вардани спрыгнула вниз, натренированным

движением согнув ноги в коленях при приземлении, и побрела вперед – туда, где камни были крупнее, а скальные выступы нависали над головами на высоте, превышавшей человеческий рост впятеро. Я последовал за Таней, с профессиональным беспокойством то и дело оглядываясь на холмы, возвышавшиеся за нашими спинами. Горные склоны сужались, формируя длинный треугольный альков размером с причальную палубу госпиталя, где я впервые увидел Шнайдера. Альков был почти доверху завален огромными валунами и мелкими осколками породы.

Вардани остановилась, и мы столпились вокруг нее. Она застыла перед завалом, как разведчик в дозоре.

– Здесь, – кивком указала она. – Мы спрятали его тут.

– Спрятали? – Матиас Хэнд оглядел нас по очереди с выражением, которое в других обстоятельствах могло бы показаться комичным. – Как это?

Шнайдер жестом указал на груды обломков возле одной из каменных стен:

– Глаза разуй, чувак. Как ты думаешь?

– Взорвали?

– Просверлили отверстия и заложили взрывчатку, – объяснил Шнайдер с видимым удовольствием. – На два метра вглубь, по самую верхушечку. Видел бы ты, как шарахнуло.

– Вы... – слова выпадали изо рта Хэнда с таким трудом, словно он только учился их выговаривать, – взорвали... артефакт?

– Ой, ну ради бога, Хэнд, – Вардани не скрывала раздражения. – А где, вы полагаете, мы этот сучий артефакт вообще нашли? Пятьдесят тысяч лет назад на него обрушилась целая скала, а когда мы его откопали, он по-прежнему был в рабочем состоянии. Это же вам не глиняный горшок – это гипертехнологическое оборудование. Сконструировано на совесть.

– Будем надеяться, вы правы, – Хэнд обошел завал по краю, заглядывая в каждую широкую щель. – Потому что «Мандрейк» не станет платить двадцать миллионов долларов ООН за испорченный товар.

– А что вызвало обвал? – спросил я внезапно.

Шнайдер с ухмылкой обернулся:

– Я же сказал, чувак. Просверлили...

– Нет, – сказал я, глядя на Таню Вардани. – Я имею в виду – изначально. Эти скалы – одни из древнейших на планете. На Пределе очень долго не было никакой серьезной геологической активности, больше пятидесяти тысяч лет. И море уж точно тут ни при чем, поскольку это бы означало, что весь этот берег образовался в результате обвала. Тогда получается, марсиане проводили строительные работы под водой, а с какой бы стати им это делать? Так что же тут произошло пятьдесят тысяч лет назад?

– Да, Таня, – энергично закивал Шнайдер. – Ты же этот орешек так и не расколола, а? Ну, в смысле, мы об этом говорили, но...

– Хороший вопрос, – Матиас Хэнд прервал свои исследования и снова подошел к нам. – Как вы это можете объяснить, госпожа Вардани?

Археолог обвела взглядом троицу окруживших ее мужчин и выдавила из себя смешок:

– Ну, могу вас уверить, что я этого не делала.

Осознав, что мы невольно взяли ее в кольцо, я разорвал его, присев на плоскую каменную плиту:

– Да уж, нельзя не признать, что это случилось задолго до вашего первого появления здесь. Но раскопки заняли не один месяц. У тебя же должны были появиться какие-то предположения.

– Да, Таня, расскажи им об утечке.

– Утечке? – с сомнением в голосе переспросил Хэнд.

Вардани наградила Шнайдера сердитым взглядом. Она тоже подыскала себе камень поудобнее, села, выудила из куртки сигареты, подозрительно похожие на те, что я купил сегодняшним утром. «Лэндфолл лайтс» – практически лучшее, что можно получить за деньги после того, как была запрещена продажа сигар «Индиго-сити». Вытряхнув сигарету, Вардани размяла ее в пальцах и нахмурилась.

– Слушайте, – произнесла она наконец. – Этот портал превосходит все наши технологии примерно настолько, насколько подводная лодка превосходит каноэ. Мы знаем его предназначение – по крайней мере, *одно* из его предназначений. К сожалению, мы не имеем ни малейшего представления о

его устройстве. Так что я могу только строить догадки.

Не дождавшись возражений, она перевела взгляд с сигареты на нас и вздохнула.

– Ну хорошо. Сколько обычно длится сессия гиперсвязи с большой нагрузкой? Я имею в виду серьезный групповой ОЧС-пробой. Секунд тридцать примерно? Максимум минуту? А установка и поддержание такой гиперсвязи потребует полной мощности наших лучших конверсионных реакторов.

Она сунула в рот сигарету и прикурила от полоски на пачке. По ветру потянулась ленточка дыма.

– Итак. Когда мы в прошлый раз открыли портал, то увидели место, куда он ведет. Стабильное изображение, несколько метров в диаметре, поддерживаемое бесконечно долго. Что в отношении гиперсвязи подразумевает *бесконечную* стабильную передачу данных, составляющих данное изображение, включая фотонный эквивалент каждой звезды в звездном поле и их координаты, посекундное обновление в реальном времени на протяжении всей работы портала. В нашем случае – два дня. Около сорока часов, то есть две тысячи четыреста минут. В две с половиной тысячи раз дольше самого долгого пробоя, который мы способны осуществить. И нет никаких оснований предполагать, что портал когда-либо выходил из режима ожидания. Улавливаете, к чему я веду?

– Огромные затраты энергии, – нетерпеливо ответил Хэнд. – Так что насчет утечки?

– Ну, я пытаюсь представить, какого рода сбой может произойти в подобной системе. При достаточно долгой передаче любого сигнала рано или поздно возникнут помехи. Такова неизбежная реальность царящего в космосе хаоса. Мы знаем, что это происходит при радиотрансляции, но пока не наблюдали ничего подобного при гиперсвязи.

– Может быть, это потому, госпожа Вардани, что в гиперпространстве нет помех. Как и написано в учебниках.

– Ну да, может быть, – Вардани равнодушно выдохнула дым в сторону Хэнда. – А может быть, это потому, что нам пока везло. С точки зрения статистики это было бы неудивительно. Мы занимаемся этим меньше пяти столетий, и средняя протяженность наших сессий не превышает нескольких секунд, что в общей сложности составляет не очень-то много времени. Но если марсиане поддерживали во включенном состоянии такие порталы на регулярной основе, суммарное время их сессий на порядки больше нашего; а притом что гипертехнология насчитывала у них тысячелетнюю историю, можно ожидать, что время от времени случалась накладка. Проблема в том, что при тех уровнях энергетических затрат, о которых идет речь, накладка, которая вылезет из данного портала, может запросто расколоть эту планету.

– Упс.

Археолог бросила в мою сторону взгляд не менее уничижительный, чем дым, выпущенный в лицо Хэнду с его познаниями из курса школьной физики, утвержденного Про-

текторатом.

– Да уж, – сказала Вардани ядовито. – Упс. Пойдем дальше. Марсиане были не идиоты. Если их технология имела подобную уязвимость, они должны были предусмотреть предохранитель. Что-нибудь вроде автовыключателя.

Я кивнул:

– Чтобы портал вырубался при резком выбросе...

– И сам себя при этом погребал под пятью сотнями тонн горной породы? В качестве меры безопасности это, да простит меня госпожа Вардани, слегка непродуктивно.

Археолог досадливо махнула рукой:

– Я не говорю, что это было запланированным сценарием. Но если выброс энергии был слишком велик, автовыключатель мог среагировать недостаточно быстро, чтобы успеть его скомпенсировать.

– Или же, – живо добавил Шнайдер, – в портал угодил микрометеорит. Это была моя теория. В конце концов, эта штуковина ведет в дальний космос. Трудно сказать, что в нее рано или поздно могло запорхнуть, так ведь?

– Мы это уже обсуждали, Ян, – в голосе Вардани по-прежнему слышалось раздражение, но теперь к нему прибавилась еще и досада, оставшаяся от затяжного спора. – Это не...

– Это возможно, ясно?

– Да. Только маловероятно, – она повернулась от Шнайдера ко мне. – Утверждать наверняка не могу – многие глифы мне абсолютно незнакомы, да и разобрать их было нелегко, –

но я более-менее уверена, что портал оснащен системой экстренного торможения. Ни один объект, превышающий определенный скоростной предел, сквозь него не пройдет.

– Стопроцентной уверенности у тебя в этом нет, – надулся Шнайдер. – Ты сама сказала, что не...

– Да, но это *логично*, Ян. Никто не строит дверь в глубокий космос, не озаботившись защитой от всего того, с чем там можно столкнуться.

– Ой, да ладно, Таня, а как же...

– Лейтенант Ковач, – громко произнес Хэнд. – Не могли бы вы спуститься со мной к берегу? Если не возражаете, мне хотелось бы услышать мнение военного о прилегающем участке местности.

– Да, конечно.

Оставив Вардани и Шнайдера препираться посреди груды камней, мы зашагали по окрашенному в голубые тона песку в темпе, который задавали туфли Хэнда. Поначалу мы оба молчали, и единственными звуками были тихое поскрипывание песка под ногами и ленивое шуршание прибоа. Затем Хэнд неожиданно произнес:

– Незаурядная женщина.

Я хмыкнул.

– Я к тому, что пройти правительственные лагеря для интернированных, не получив при этом серьезных психических травм, само по себе требует гигантской силы воли. И практически без передышки сразу взяться за нелегкий труд

декодирования техноглитфов...

– С ней будет все в порядке, – коротко ответил я.

– Да, не сомневаюсь, – деликатная пауза. – Несложно понять, отчего Шнайдер испытывает к ней такие сильные чувства.

– Это, по-моему, в прошлом.

– Вот как?

В его тоне прозвучала еле уловимая нота иронии. Я искал посмотрел на него, но лицо Матиаса оставалось непроницаемым, а взгляд был устремлен в море.

– Так что там насчет мнения военного, Хэнд?

– А, да, – менеджер «Мандрейк» остановился в нескольких шагах от мелкой ряби, которая на Санкции IV считалась за волны, и, повернувшись к ним спиной, указал на вздымающиеся позади нас холмы. – Я, конечно, не солдат, но осмелюсь предположить, что это не самая идеальная позиция.

– В точку, – я обвел берег взглядом, безуспешно пытаюсь обнаружить хоть что-то обнадеживающее. – Спустившись сюда, мы превратимся в легкую мишень для любого, засевшего на высотах с оружием хоть на толику получше заостренной палки. Весь участок отсюда до холмов простреливается на ура.

– Да еще и море.

– Да еще и море, – отозвался я мрачным эхом. – Мы прекрасная цель для любого десантного судна. Чем бы мы ни собирались тут заниматься, понадобится небольшая армия,

чтобы прикрывать нас во время этих занятий. Если только не обойтись чисто разведывательной операцией. Прилетели, сфотографировали, улетели.

– Хм-м, – Матиас Хэнд присел на корточки и задумчиво уставился на море. – Я тут пообщался с юристами.

– Продезинфицироваться потом не забыли?

– По нормам корпоративного права собственность на любой объект, находящийся за пределами орбитального пространства, закрепляется только после размещения стопроцентно функционирующего заявочного буя в километровом радиусе от данного объекта. Обойти этот пункт не получится, мы проверили. Если с другой стороны портала находится звездолет, нам придется войти в портал и поставить навигационный буй. А исходя из слов госпожи Вардани, это займет какое-то время.

Я пожал плечами:

– Ну, значит, небольшая армия.

– Небольшая армия привлечет немало внимания. Она будет выпирать из дисплеев спутникового слежения, как грудь голошлюхи. А мы не можем себе этого позволить, не правда ли?

– Грудь голошлюхи? Ну не знаю, разве пластические хирурги так много берут?

Хэнд вздернул голову, чтобы взглянуть на меня, после чего невольно усмехнулся:

– Весьма забавно. Благодарю вас. Мы не можем позво-

лить, чтобы нас засекли спутники, не правда ли?

– Только если вам не нужен эксклюзив.

– Я думаю, это само собой разумеется, лейтенант, – Хэнд опустил руку и рассеянно провел пальцем по бороздке на песке. – Итак. Все должно быть аккуратно, компактно и не создавать слишком много шума. Что, в свою очередь, означает, что местность во время нашего визита должна быть свободна от оперативного состава.

– Да, если мы хотим вернуться живыми.

– Да.

Хэнд неожиданно покачнулся и сел на песок. Положив руки на колени, он, казалось, начал что-то сосредоточенно высматривать на горизонте. В своем темном костюме и с белым воротничком-бабочкой он словно сошел с наброска какого-нибудь представителя миллспортской абсурдистской школы.

– Скажите, лейтенант, – проговорил он наконец. – С допущением, что нам удастся расчистить полуостров, каков с вашей профессиональной точки зрения минимальный состав команды, необходимой для этого предприятия? Каким наименьшим числом мы можем обойтись?

Я обдумал его вопрос:

– При условии, что они хороши. Элита из спецподразделений, а не рядовой планктон. Скажем, шестеро. Пятеро, если взять Шнайдера пилотом.

– Ну, он и не производит впечатления человека, который

станет ждать в сторонке, пока мы присматриваем за его инвестициями.

– Да, не станет.

– Вы упомянули спецподразделения. Речь идет о каких-то конкретных навыках?

– Да не особенно. Возможно, пригодится взрывник. Каменный завал выглядит довольно крепким орешком. И не помешает, если парочка из них окажется пилотами, на случай если что-нибудь случится со Шнайдером.

Хэнд повернул ко мне голову:

– А что, есть такая вероятность?

– Кто знает? – пожал плечами я. – Жить вообще вредно.

– Не спорю, – взгляд Хэнда вернулся к морю, туда, где над горизонтом виднелось серое пятно нерешенной судьбы Заубервиля. – Я так полагаю, подбором людей вы захотите заняться самостоятельно?

– Нет, можете заниматься вы. Но я хочу присутствовать при самом процессе, и я хочу право вето на любого отобранного вами кандидата. У вас есть идеи, где можно найти полдюжины спецов, готовых записаться в добровольцы? Не вызывая ни у кого подозрений, я имею в виду.

На мгновение мне показалось, что он меня не услышал, полностью растворившись в созерцании. Потом он слегка шевельнулся, и углы его рта тронула улыбка.

– В эти смутные времена, – пробормотал он тихо, будто разговаривал сам с собой, – несложно отыскать солдат, ко-

торых никто не хватится.

– Рад это слышать.

Он снова поднял на меня глаза. Улыбка еще не успела исчезнуть с его лица.

– Вас это задевает, Ковач?

– Вы полагаете, я бы достиг звания лейтенанта «Клина Карреры», если бы меня было так легко задеть?

– Я не знаю, – Хэнд снова повернулся к горизонту. – Пока вы полны сюрпризов. И, насколько мне известно, обычно чрезвычайные посланники – настоящие мастера адаптивного камуфляжа.

Вот, значит, как.

Меньше двух суток со времени нашей встречи в аукционном зале, а Хэнд уже успел проникнуть в базу данных «Клина» и взломать ту защиту, под которой находилось мое прошлое чрезвычайного посланника. И сейчас он просто давал мне об этом знать.

Я опустился на голубеющий песок рядом с ним и, выбрав подходящую точку на горизонте, в свою очередь устремил взгляд вдаль.

– Я больше не состою в Корпусе.

– Да. Я так и понял, – он не смотрел на меня. – Больше не в Корпусе, больше не в «Клине Карреры». Ваше нежелание принадлежать к группе граничит с патологией, лейтенант.

– Да почему же «граничит»?

– А. Вижу, что ваше происхождение с Харлана дает о себе

знать. *Порочная природа толпы* – так, кажется, формулирует это Куэлл?

– Я не куэллист, Хэнд.

– Ну разумеется, – похоже, разговор доставлял ему удовольствие. – Это же подразумевает принадлежность к группе. Скажите-ка, Ковач, вы меня ненавидите?

– Пока еще нет.

– Правда? Вы меня удивляете.

– Ну я же полон сюрпризов.

– Вы в самом деле не испытываете ко мне никакой враждебности после той небольшой стычки с Дэном и его командой.

Я опять пожал плечами:

– Это же у них появились в теле новые вентиляционные отверстия, а не у меня.

– Но это же я их послал.

– Что свидетельствует о недостатке воображения, – я вздохнул. – Слушайте, Хэнд. Я знал, что *кто-нибудь* в «Мандрейк» вышлет команду, потому что так работают подобные организации. Предложение, которое мы вам отправили, было практически подначкой, приглашением пожаловать по наши души. Мы могли проявить бóльшую осторожность, избрать не такой прямой подход, но у нас не хватало времени. Так что я помахал рыбным пирогом перед носом местного хулигана и в итоге ввязался в драку. Испытывать к вам ненависть – все равно что испытывать ненависть к ку-

лакам хулигана из-за удара, от которого удалось увернуться. Я добился, чего хотел, и вот мы с вами тут сидим беседуем. Я не питаю ненависти лично к вам, потому что вы пока не дали мне повода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.